

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С.П. КУШНЕРУК

ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА
(русский деловой текст)

Учебное пособие

Волгоград 1999

ББК 81.411.2—7я 73
К 96

Рецензенты: зав. отделом Государственного архива по
Волгоградской области, канд. ист. наук Е.В. Булюлина,
канд. техн. наук, доцент, зав. кафедрой экономико-
математического моделирования
ВГСХА В.Д. Коновалов

Печатается по решению библиотечно-издательского
совета Волгоградского государственного университета

Кушнерук С.П.

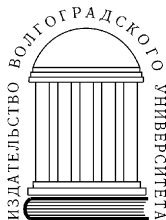
К 96 Документная лингвистика (русский деловой текст):
Учебное пособие. — Волгоград: Издательство Волгоградского
государственного университета, 1999. — 96 с.

ISBN 5-85534-275-1

В учебном пособии изложены современные представления
о языковых параметрах документов официально-делового стиля
русского языка. Рассмотрены основные теоретические понятия
деловой коммуникации, особенности использования языковых
средств в разных типах деловых документов, значительное вни-
мание уделено языковым сторонам стандартизации и унифика-
ции документов.

Пособие адресуется студентам различных специальностей,
практикам-документоведам и управленцам, филологам.

ISBN 5-85534-275-1

© С.П. Кушнерук, 1999
© Издательство Волгоградского
государственного университета, 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Глава 1. Деловая коммуникация и документная лингвистика	8
1.1. Коммуникативный процесс: условия, понятия, средства	8
1.2. Язык как средство коммуникации	13
1.3. Дифференциация языка и функциональные стили	25
1.4. Официально-деловой стиль. Документ	34
Глава 2. Параметры деловых текстов	44
2.1. Композиционные особенности документов	44
2.2. Состав и стратификация лексико-фразеологических единиц официально-делового текста	49
2.3. Синтаксис делового документа	58
2.4. Принципы оценки официально-деловых документов	64
Глава 3. Стандартизация и унификация средств делового текста	72
3.1. Роль речевых клише (штампов) в подготовке и восприятии делового текста	72
3.2. Проблемы разработки типовых и трафаретных текстов	76
3.3. Редактирование текстов официально-делового стиля	81
Литература	89

*Молчат гробницы, мумии и кости
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письма
И.А. Бунин*

*Отличить учебное от научного
в университете нельзя, но научное
и без учебного все-таки светит
и греет, а учебное без научного, как
бы ни была приманчива его
внешность, — только блестит.
Н.И. Пирогов*

ОТ АВТОРА

По мере развития российского общества становится все более понятным, что деловая документация во всех ее разновидностях не изолирована некоей специальной областью обращения, а является составным элементом коммуникации всего общества. Актуальность документационных процессов, изменение их содержания вслед за социально-экономическими преобразованиями, касающимися каждого человека, обусловили интерес к документам официально-делового общения. Этот интерес, в частности, выражается в понимании того, что освоение документационных ресурсов, умение составлять и обрабатывать деловые бумаги должны основываться на серьезной системе подготовки документоведов. Становление специальности «Документоведение и документационное обеспечение управления» связано, в том числе, с осознанием того круга знаний, которые необходимы специалисту-документоведу. В системе теоретических и прикладных дисциплин специальности заметное место занимает курс «Документная лингвистика», цель которого определить соответствия между особенностями современных деловых документов и степенью участия элементов системы современного русского языка в создании, особенностях содержания и преобразования текстов. Наиболее яркая осо-

бенность ситуации, с которой связано предлагаемое пособие — минимальная изученность текстов деловых документов. Вопросы, требующих анализа, дискуссий, экспериментов куда как больше, чем ответов и надежных глубоких выводов. Подготовка этого пособия стала этапом формирования системы научных проблем, которые автор ставит и перед собой, и перед уважаемыми читателями, среди которых, как надеется автор, окажутся студенты документоведческих и филологических специальностей, юристы и экономисты, рассматривающие вопросы стиля и состава деловых документов, управленцы, чья деятельность будет протекать в бурной и противоречивой документационной среде.

Содержание пособия соответствует рекомендациям Государственного стандарта по дисциплине «Документная лингвистика» и основным разделам курса по стилистике деловой речи, читаемым на многих специальностях в рамках современного университетского образования.

Многоаспектность в подходах при изучении русскоязычных текстов, представляющих функциональный стиль, именуемый наиболее часто как «официально-деловой», обусловлена многими причинами, имеющими как интралингвистический, так и экстралингвистический характер. Экстралингвистические причины определили появление значительного числа справочников, пособий, изданий смешанного жанра, предназначенных для ликвидации документационной безграмотности в обстановке изменения социально-экономических условий ведения экономико-правовых операций. Задачи названных типов изданий определили их содержательные особенности: приведение образцов документов, их реквизитно-позиционных моделей, то есть действует доминирующий принцип обучения (а заодно и представления документов) — «делай, как я». Довольно серьезное внимание уделяется в подобных изданиях сопоставлению форм и лексико-фразеологических единиц русскоязычных и иноязычных (прежде всего англо-американских) экономико-правовых текстов. И здесь причины вполне понятны и объяснимы средствами, лежащими за пределами собственно лингвистики, в области экономики, в особенностях современного хозяйствования, торговли, производства.

Нельзя, однако, не заметить, что бурная практика принятия новых форм документов, изменения существовавших форм, межъязыковая интерференция в рамках формальных, лексико-фразеологических и грамматических средств, ориентация на международные стандарты и принципы унификации документационной номенклатуры привели к существенным изменениям в двух, как минимум, сферах. Во-первых, произошли количественные и качественные изменения в полевой структуре официально-деловых документов русского языка, изменились параметры организации самого поля русской документации, отношения между его ядерной и периферийной составляющими. Во-вторых, изменилась структура представленности лексико-фразеологических единиц. Последнее особенно важно и интересно, поскольку сами основополагающие принципы стиля, пронизывающие все жанровые разновидности документов, предполагают достаточно устойчивый консерватизм, базирующийся на постоянной реализации стандартизирующих и унифицирующих подходов в выборе единиц, входящих в документы. Наиболее отчетливо вторая особенность проявляется при сопоставительном исследовании таких типов документов, как деловые письма, относящихся к относительно недалеким временным промежуткам — первой половине 80-х гг. и середине 90-х гг.

Одновременно с функциональной классификацией современной русской документации становится актуальной классификация коммуникативно-лингвистическая, базирующаяся не на экстралингвистической функции документа в иерархическом канале коммуникации; при этом типология документа определяется сферой функционирования или характером действия, являющегося реакцией на информацию документа. Очевидно, собственно лингвистическая классификация должна иметь основанием совокупность лингвистических параметров, имеющих и качественную, и количественную форму представления.

Обращение к наиболее важным сторонам деловой коммуникации в современном российском обществе предполагает рассмотрение, как минимум, следующих вопросов:

1. Понимание коммуникативного процесса применительно к деловой активности; особенности деловой коммуникации на основе современного русского литературного языка.

2. Определение субъектного состава деловой коммуникации и лингвистического варьирования, вызванного субъектными причинами.

3. Представление структуры полевой организации современной русской деловой документации и разработка лингвистических принципов структурирования русских деловых текстов.

4. Выработка принципов многомерной стратификации лексико-фразеологических и грамматических средств современной русской деловой документации и установление корреляционной связи между лингвистической типологией документов и стратификационными особенностями входящих в них лексико-фразеологических и грамматических средств.

Приведенный перечень вопросов не является исчерпывающим, достаточным для полного описания сути современной русской деловой документации. Однако ответы на них в значительной степени прояснят собственно языковые особенности, на основании которых в определенной мере можно решить задачу типологизации текстов русских деловых документов и, одновременно, стратифицировать единицы лексико-фразеологического уровня в соответствии с их ролью в ядерно-периферийной организации поля единиц деловых документов.

ГЛАВА 1

ДЕЛОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА

1.1. Коммуникативный процесс: условия, понятия, средства

Часто приводимая модель коммуникативного процесса (Алешина, с. 22) чрезмерно обобщает реальные акты коммуникации, базирующиеся на использовании естественного человеческого языка. По нашему мнению, основной причиной своеобразной идеализации коммуникативных актов является совпадение двух родственных по духу посылок: во-первых, представить процесс совершенно однозначным образом, поскольку субъектно-реляционные элементы модели коммуникации доведены до той степени обобщения, которые универсализируют любую реальную ситуацию; во-вторых, особое представление о коммуникации вносится в лингвистику из технократических источников; безвариантность алгоритма, его понятийно-терминологическое наполнение («приемник», «передатчик», «код», «шум», «обратная связь» и др.), вторичность лингвистических интерпретаций, постоянные «сбои» на терминологический аппарат теории связи, технической коммуникации и кибернетики упорно выводят коммуникативные процессы из собственно лингвистического поля. Показательна в этом отношении статья о *коммуникации* в Лингвистическом энциклопедическом словаре (Лингвистический энциклопедический...). Большую часть, как в самой статье, так и в списке литературы к ней, занимают точки зрения и источники, связанные с техническим и математическим подходами к теории и практике коммуникации (Шеннон; Яглом, Яглом).

В течение длительного времени «внешний» по отношению к естественному языку статус коммуникативного процесса определял неприятие коммуникативного уровня языка, коммуникативная функция языка реализуется, по мнению ряда авторов, на синтаксическом уровне (Общее языкознание...). Однако исследования последних лет, в особенности по интонации,

психолингвистике, стилистике по ряду направлений прикладного языкознания позволяют несколько по-иному посмотреть на языковую коммуникацию и выявление собственно языковых параметров коммуникативного процесса. Тем не менее, необходимо накопление дополнительных данных, прежде всего — в сфере понимания коммуникативных возможностей языковых единиц различных уровней языка и особенностей в распределении коммуникативных задач между ними.

Совершенно очевидно, что деловая коммуникация — видовое явление относительно общего процесса коммуникации. Однако даже на первых порах определение видовых особенностей деловой коммуникации оказывается затрудненным из-за многообразия терминов русского языка, именующих видовые формы деловой коммуникации. Связанные отношениями род—вид и часть—целое, термины воспринимаются часто как синонимы, что, возможно, естественно и простительно, учитывая современное переломное состояние деловой коммуникации, связанное с отражением в коммуникативной сфере принципиальных изменений экономического, социального и политического характера. В частности, принципиально важно выяснить соотношение между дефинитивными особенностями следующих часто встречаемых терминов: *деловая коммуникация*, *управленческая коммуникация*, *документная (документальная) коммуникация*, *официальная* и *официально-деловая коммуникация*. Этот список не является полным, в письменной и, тем более, в устной речи встречаются и иные варианты именовании этого специфического вида коммуникации. Рассмотрим те из них, которые представляются менее противоречивыми, приняты сообществом носителей русского языка, имеют устойчивую частотность использования, встречающиеся в специальных текстах и зафиксированные лексикографическими источниками.

Деловая коммуникация — процесс обмена информацией, осуществляемый в связи с решением административных, финансово-экономических, правовых вопросов с использованием устной и письменной форм речи. Очевидно, представленное определение нельзя рассматривать как исчерпывающую дефиницию. Если процессуальная сторона, связанная с движением информации в определении этого явления не вызывает сомнения, то объем экстралингвистических сфер, в рамках

которых функционирует информация, относимая к деловой, вряд ли может быть однозначно и исчерпывающе представлен. Выделение правовой, административно-хозяйственной и финансово-экономической сфер является своеобразной конденсацией, («сгущением» — в терминах нечетких лингвистических множеств (Пиотровский, 1989)), при которой, с одной стороны — за пределами анализа могут оказаться некоторые сферы деятельности, в рамках которых осуществляется деловая коммуникация (например, общение граждан—должностное лицо при выполнении гражданином функций квартиросъемщика, вкладчика банка и пр.); в то же время не все стороны коммуникации в условиях отмеченных сфер неминуемо предполагают тот тип обмена информацией, который обязательно должен быть отнесен к *деловой* коммуникации (например, беседа адвоката с клиентом при подготовке к ведению дела). Использование устной и письменной форм речи в деловой коммуникации также требует оговорки, поскольку устный или письменный текст является в ряде случаев информационной основой для порождения коммуникативных единиц в машиночитаемых, табличных, вторично-кодовых формах. Подобные явления отмечаются все чаще, в особенности — в области финансово-экономической коммуникации (компьютерные межбанковские сети, биржевая информация и пр.).

В восприятии понятия *управленческой коммуникации* доминантными, по нашему мнению, являются референции, связанные с иерархичностью при исполнении управленческих функций, а также с высокой степенью ситуативной обусловленности содержания коммуникативного воздействия. Кроме того, сопоставление понятийной наполненности терминов *деловая коммуникация* и *управленческая коммуникация* дает основание полагать, что приведенные термины при достаточно редкой контекстуальной синонимичности все-таки принципиально различаются: видовое понятие управленческой коммуникации относительно родового понятия деловой коммуникации проявляется в выделении жанровой группы управленческих документов среди общей совокупности деловых документов.

Документная или *документальная коммуникация* — термины, обозначающие процессы коммуникации с использованием письменной формы речи, письменных текстов, имеющих

формальный статус документа, официальной бумаги. Доминантой этих терминов является целостность и официальность письменно оформленного текста как основного носителя информации в коммуникативном процессе.

Термины *официальная коммуникация* и *официально-деловая коммуникация* в подавляющем большинстве случаев могут рассматриваться как синонимы. Их применение связано с необходимостью отметить статусно-ритуальную сторону коммуникации. Сопоставляя понятийную наполненность этих терминов и термина *деловая коммуникация*, можно говорить об отношениях типа часть—целое.

Содержательной единицей коммуникации, ее смысловым квантом, парцелированной кодирующими средствами идеей является *сообщение*. Сообщения как составляющие коммуникации являются сложными образованиями, включающими обязательные и дополнительные компоненты. К обязательным компонентам сообщения могут быть отнесены: *содержательная определенность, форма воплощения в канале коммуникации, субъекты порождения и восприятия сообщения*.

Под *содержательной определенностью* понимается законченность, смысловая целостность в предварительном осознании и выражении мысли, факта, аргумента, доказательства.

Форма воплощения в канале коммуникации связана с особенностями канала, по которому осуществляется коммуникация. Радио, телевидение, различные виды печатных и стендовых материалов, устные выступления как каналы, средства передачи сообщений накладывают свою специфику на форму представления сообщений. И хотя для каждого канала число таких форм может быть довольно большим, специфика канала связи всегда коррелирует с формой воплощения сообщения для данного средства коммуникации.

Субъекты порождения и восприятия сообщения представляют собой лицо или группу лиц в качестве источника и получателя сообщения. Коммуникация теряет смысл да и практически не может называться таковой при отсутствии хотя бы одного из этих составляющих. Но субъекты коммуникации определяют не только процессуальную суть коммуникации, но и являются модифицированными составляющими самого сообщения. Особенно ярко это проявляется в условиях делового обще-

ния, когда качества партнеров (степень надежности, репутация, финансовое положение, степень личной обаятельности и многое другое) включаются в процесс восприятия сообщения, влияют на декодирование сообщения, то есть на перевод сообщения на язык получателя.

Рассматривая вышеприведенные обязательные компоненты сообщения применительно к деловой коммуникации, отметим следующее: *содержательная определенность* здесь испытывает значительное влияние со стороны экстралингвистических функциональных обстоятельств. Значительный прагматизм деловой коммуникации, конкретность интересов, предварительная глубокая проработка тактики и стратегии деловых действий определяют высокую степень определенности.

Формы воплощения деловых сообщений при всем разнообразии жанров и ситуативно-профессиональных полей функционирования испытывают значительное воздействие со стороны унифицирующих и стандартизирующих инструментов. Как в рамках письменных, так и устных форм деловых сообщений жанровая структура и форма документа в рамках жанра ориентируются на систему предписаний, которые с различной степенью жесткости (ГОСТы, рекомендации, прецедентные описания и пр.) определяют параметры формы воплощения сообщения.

В число *субъектов деловой коммуникации* включены статусно-маркированные личности или группы лиц (как минимум — с одной стороны в цепочке источник—получатель). Иерархизация участников деловой коммуникации, разделение деятельности субъектами, управленческие аспекты, лежащие за коммуникативными актами, придание участникам некоего функционально-ритуального статуса имплицитно, а часто и в эксплицитных формах, «растворяются» в деловом коммуникативном процессе.

Устные формы делового общения в сравнении с письменными обладают большей или меньшей (в зависимости от ситуации, в которой реализуются) спецификой. Вместе с тем они обладают общими особенностями, отличающими их от письменных форм делового общения; эти особенности устных форм требуют специального исследования на представительном материале, определить его объем и содержание будет достаточно

затруднительно в связи с неоднозначностью классификации устных форм общения.

Для письменных форм делового общения положение с классификацией документов, определением классифицирующих признаков нельзя признать благополучным. В какой-то степени решать проблему классификации помогает анализ сфер функционирования документов, то есть документ классифицируется не по своим содержательным или лингвистическим параметрам, а по области использования, по выполняемым им задачам. В этом есть большой смысл, поскольку прагматико-функциональная сторона документа неоспорима.

При рассмотрении существующих моделей коммуникации непременно обнаруживаются компоненты, которые заставят нас обратиться к тем средствам, с помощью которых мы воплощаем идею, мысль в определенное, законченное вербальное сообщение. Для делового общения основным средством кодирования идеи остается естественный человеческий язык. Процессы, происходящие в России, довольно заметно изменили не только структуру деловых документов. Многие из них были возрождены, многие заимствованы под влиянием мировых коммуникационных процессов. Эти процессы заметно повлияли на язык. Основные изменения происходили в лексико-фразеологической сфере, но бесспорны изменения, произошедшие в более сложной области, пограничной для языкового и внеязыкового мира. Прежде всего это относится к пересмотру отношения к деловой бумаге, как к тексту, к восприятию деловой коммуникативной среды и ее средствам. Деловой язык шире распространился в российском обществе. И общество оказалось не совсем готово к новациям в языковых средствах и отношениях, активности их использования в пределах деловой коммуникации и даже за ее пределами. Объем языковых фактов и активность языковых изменений, относящихся к официально-деловому общению, образовали ситуацию, срочно нуждающуюся в выработке новых классифицирующих подходов и решений.

1.2. Язык как средство коммуникации

При безусловной привлекательности внеязыковых форм общения, подкрепляемых современными техническими достижениями, основным средством общения остается естествен-

ный язык (в научной литературе часто используется аббревиатура ЕЯ). Причем во всех случаях при создании искусственных знаковых систем, которые, по мнению авторов, превосходят естественный язык, мы имеем дело с вторичными системами знаков, созданных на основе первичной системы — естественного человеческого языка.

Изменения в обществе, его развитие изменяют условия коммуникации. При этом изменяется сам язык, меняются условия его использования, в процессы общения все чаще включаются технические устройства, параллельно, а иногда и совместно с естественным начинается использование искусственных языков, разнообразных кодов. Количество таких искусственных языков и кодов множится из года в год, однако повторим — все они суть производное от естественного языка.

Несмотря на воздействие, оказываемое на язык сложными, многоаспектными явлениями развивающегося мира, изменения в языковой системе очень неравномерны и имеют инерционный характер. Эта инерционность в развитии языков под воздействием неязыкового мира имеет различные причины. Может быть как раз замедленность языковой реакции обеспечивает надежность языка, исключает поспешность языковых реакций на те явления, которые, как оказывается, не заслуживают того, чтобы быть запечатленными в языковой системе. Консерватизм языка создает условия, при которых мы не попадаем в неожиданно изменившиеся условия коммуникации, которые могут возникнуть при слишком резких изменениях единиц языка и отношений в нем.

Бурный научно-технический прогресс XX века в некоторой степени породил романтично-дилетантский подход к естественному языку. Это хорошо проявилось в споре между «физиками» и «лириками». В особенности в 50—60-е годы представителями «физиков» высказывалось соображение о том, что естественный язык — несовершенное, неточное образование, не соответствующее времени космических исследований и быстро прогрессирующих ЭВМ. Но, как оказалось, совершенствование коммуникации путем замены естественного языка «более совершенными»: языками программирования, информационно-поисковыми (ИПЯ), искусственными и прочими — невозможно не только из-за недостаточной их поддержки об-

шественными потребностями. Они оказались «слабее» естественного языка. Единое коммуникативное пространство требует единого коммуникативного средства. Это справедливо даже в тех случаях, когда в процессе коммуникации проявляются некоторые естественные недостатки естественного языка.

Таким образом, основная масса документов различных типов представляет собой совокупность текстов на естественном языке, варианты которого видоизменяются в зависимости от условий коммуникации. Видоизменения связаны и с поисками эффективных форм и средств коммуникации, что, в свою очередь, обусловило поиск путей оптимизации выбора средств языка для различных типизированных условий коммуникации.

Какие свойства естественного языка определяют степень надежности коммуникативных процессов? Что хотят изменить в языке, чтобы исключить коммуникативные «аварии»?

Сложно однозначно выделить те стороны естественного языка, с которым связаны основные проблемы в коммуникации. Рассмотрение этого вопроса особенно важно в контексте принятия важных управленческих решений, при передаче нового знания или параметрически несвободных данных, то есть тех данных, которые включают параметры, сохранение или воспроизведение которых в материальных объектах принципиально, например, в практической медицине, технической документации. Попробуем произвести выделение возможных трудностей с учетом языковых уровней.

Фонетический уровень. Вариантность фонем, обуславливающая сложности при распознавании речи. При этом вариантность может иметь как индивидуальный характер, так и коллективный — обусловленный диалектом, социальным жаргоном.

Морфологический уровень. В ряде естественных языков, в том числе в русском — отмечаются неопределенность или полисемичность морфологических компонентов (например, суффикс -ник соотносится как со значением лица, называемого по объекту деятельности, так и с устройством, выполняющим определенные функции: медвежатник, колбасник — подойник, коровник: при этом не забываем о других возможностях суффикса: муравейник, гнойник, хищник и другие варианты); вариантность флексий, характерная для просторечных и диалек-

тных форм речи (в донских говорах: «поехала до матере» вместо «поехала до (к) матери»).

Лексико-фразеологический уровень. Уровень, обеспечивающий наибольшее количество проблем в коммуникативных процессах. Лексические полисемия, омонимия, вариативность составляющих лексического значения, развивающаяся под влиянием внешних факторов, особый характер значений фразеологических единиц образуют для каждого естественного языка комплекс коммуникативных проблем, борьба с которыми не увенчалась успехом. Классический пример, связанный с реализацией первых опытов по машинному переводу с языка на язык, как нельзя лучше демонстрирует мощь факторов этого уровня. При попытке перевода с помощью компьютера (этого слова, кстати, в русском языке тогда еще не было, устройство называлось ЭВМ, электронно-вычислительная или счетно-вычислительная машина) устойчивого выражения английского языка «the spirit is strong, but the flesh is weak» был получен вариант «водка держится хорошо, а мясо пропало». Эквивалентной фразой русского языка будет выражение: «Хотя дух силен, но плоть слаба». Полисемичность подавляющего количества компонентов, составляющих английское выражение, не могла не породить ошибок в переводе, умноженных языковой комбинаторикой: spirit — дух, душа, алкоголь, смысл, мнение, настроение, спиртной напиток; flesh — мясо, тело, плоть, мякоть. Для обеих единиц нами указаны еще не все значения. С учетом того, что в современных развитых языках полисемия, омонимия, паронимия распространены и тенденции их развития не сдерживаются какими-либо эффективными барьерами, можно предположить, что на лексико-фразеологическом уровне, и, в особенности, в сочетании с факторами иных уровней, создаются благоприятные условия для снижения коммуникативной надежности.

Синтаксический уровень. Степень синтаксической сложности и осложненности конструкций на естественном языке значимы как при восприятии, так и при порождении в условиях коммуникации. Многие чувствуют на себе, что значит понять смысл сложного, «длинного» предложения, равно как и правильно построить такое предложение. В этих случаях проблема определяется не только структурными особенностями конст-

рукции, но и неминуемой многоаспектностью высказывания. В сложном или осложненном предложении хотели сказать о многом. Возникает задача иерархизации аспектов в высказывании и постановка в соответствие определенной иерархии конкретной конструкции, отвечающей правилам языка. Не меньше проблем несут с собой короткие, часто неполные предложения, для них характерны имплицитность, недосказанность, потеря коммуникативной определенности. Примерами к высказанным соображениям могут быть следующие микротексты.

«В железнодорожной накладной и ее дубликате, подготовка которых является задачей продавца, указываются: номер железнодорожного вагона (номер судна, его приписка и название), номер контракта, полное наименование товара, количество, номера и габаритные особенности отгруженных мест, масса груза — нетто и брутто, полное наименование грузополучателя, его адрес, станция и дорога назначения, наименование отправителя и станция отправления».

- Пятая, двадцать седьмой на загрузку.
- Принял.
- ...
- Насосную починили?
- Кроме клапанов.

Формальная модель коммуникации на естественном языке, предполагающая беспроблемный двусторонний обмен информацией, безусловно, идеализирует ситуацию. Обращение к вышеприведенным соображениям и примерам свидетельствует о том, что преграды в коммуникации вызревают в пределах самого основного компонента коммуникации — естественного языка. К ним добавятся преграды иного порядка: технические, пространственно-временные и др. При этом языковые осложняющие факторы имеют многоуровневый, многоаспектный характер. В современную терминологию коммуникации уже довольно прочно вошел термин «коммуникативный барьер». Под этим явлением мы будем понимать обстоятельства, факторы, исключаящие информационный обмен или заметно снижающий его эффективность.

Прежде чем рассмотреть наиболее значимые коммуникативные барьеры, отметим, что структурно уровневые внутриязыковые особенности, упомянутые выше, не исчерпывают

всего того, что может называться собственно языковым барьером в коммуникации. Одновременно со сложностями, обусловленными свойствами единиц различных уровней естественного языка, в формировании языкового барьера участвует довольно большое количество дополнительных составляющих.

Интерпретация послания. Одни и те же слова создают несовпадающие картины, формируемые в сознании различных людей. Так, слово «недорогой» даже при одинаковом, терминологическом понимании («имеющий невысокую цену при сопоставлении этого показателя для объектов одного класса») будет по-разному пониматься преуспевающим бизнесменом и человеком, получающим минимальную заработную плату.

Различия в восприятии. Обусловливаются внешними причинами. Часто связаны с ролевыми различиями коммуникантов, разницей в их социально-функциональном положении (начальник—подчиненный, родитель—ребенок), с устойчивыми представлениями об этно-культурных ценностях (представители различных рас, житель крайнего севера—южанин, прибалт—кавказец), с оценкой, пониманием пространственно-временных параметров (понятие «близко—далеко» для живущего в Якутии и Калининградской области: в Якутии «близко» — это когда лететь «всего» час—полтора).

Слушать и слышать. Значимой составляющей в формировании языкового барьера может быть неумение слышать собеседника. Подготовленный слушатель слышит не только представленные отправителем факты, но и стоящие за фактами состояние, ощущения, оценки. Последние могут быть важнее фактического материала. Наши собственные проблемы, цели, установки мешают нам воспринимать информацию, в которой значимыми компонентами оказываются не только фактические компоненты, но и чрезвычайно информативный «заречевой» фон. Особенно важен учет этой составляющей барьера в ситуациях, связанных с деловыми переговорами, для которых характерна многоуровневость, сложность посланий субъектов друг другу; порой *как* сказано важнее того, *что* сказано.

Иногда под языковым понимается барьер, связанный с невозможностью воспринимать сообщение из-за того, что неизвестен язык, которым пользуется одна из сторон коммуникации (Воробьев, с. 19). Если количество языков, использу-

мых человечеством, по очень примерным оценкам составляет более трех тысяч, то значимость барьера в этом понимании становится понятной. Ситуацию разряжает диспропорция, сложившаяся в использовании языков. В официально-деловой и научно-технической сферах удельный вес использования английского языка составляет до 50 процентов, английский язык стал языком-посредником, снимающим в какой-то степени трудности коммуникации. К сожалению, снижается роль русского языка как посредника. Причины этого очень мало связаны с лингвистическими особенностями русского языка. Статус языка, к сожалению, часто формируется косвенными факторами, относимыми, например, к областям политики, экономики, системным мировым отношениям. Множественный характер составляющих языкового барьера дает основание рассматривать его как макрообразование, включающее систему барьеров, которые имеют свои особенности. В более широком смысле — языковой барьер есть конфликтность или неадекватность семантических систем, используемых коммуникантами.

Выделим ряд коммуникативных барьеров, которые близки языковому, однако имеют особую природу.

Селективный барьер. Он создается в связи с информационной перегрузкой общества. В любой сфере количество информации и число типов ее представления стремительно растет. Каково, например, количество жанров в официально-деловом стиле, каково разнообразие типов документов из подтипов в рамках одного вида? Значительным является количество носителей информации и информационных каналов. Все это разнообразие заметно усложняет коммуникативную систему общества. Для того, чтобы предохранить себя от информационной перегрузки, мы часто слушаем и не слышим, смотрим и не видим. Правда подобные ситуации возможны и в связи с действием другого барьера, о котором речь пойдет ниже — барьера недостатка знаний. В любом случае необходимо находить какой-то вариант взаимодействия с «информационным монстром». Оптимальный путь преодоления сложностей — улучшение всех параметров нашего послания: внешних, лингвистических, иллюстративных, перцептивных и др. Безусловно, это потребует дополнительных и довольно значительных усилий,

но в реальной (тем более — в грядущей) информационной среде эти усилия оправдываются.

Эмоциональный барьер. Создается эмоциями, преубеждениями, пристрастиями, личностными отношениями. Неуправляемость этими проявлениями может формировать барьер внезапно, без каких-то видимых причин, как реакцию на второстепенный, незначительный предмет, слово, интонацию, цвет, запах, условия коммуникации и т. д. Здесь очень значимым становится принцип «Знать коммуниканта!». Это в высокой мере желательное, но не всегда реальное условие. Злые языки (наверняка мужчины!) говорят, что чаще всего с подобными барьерами сталкиваются женщины, которым провести удачные переговоры по закупке эскадрильи бомбардировщиков может помешать неудачный, с их точки зрения, крой воротничка блузки у присутствовавшей на переговорах переводчицы.

Барьер недостатка знаний. В условиях коммуникации этот барьер может формироваться как со стороны получателя информации, так и со стороны ее отправителя. Он может быть назван барьером компетенции. Часто на вопрос: «Вы понимаете, как это работает?» — получатель информации отвечает положительно, хотя на самом деле у него нет полного понимания предмета коммуникации. Положительный ответ обусловлен эмоциями, вежливостью, желанием сохранить лицо и десятком других причин. В дальнейшем все более специфическая информация со стороны отправителя будет все более и более невоспринимаемым потоком данных. Возможно в преодолении барьера может помочь тактично организованная обратная связь, выявляющая, на каком этапе взаимодействия возникает барьер и помогающая отправителю повторить или видоизменить сообщение, убедиться в понимании и двигаться далее.

Барьеры, связанные с внешними помехами. Отвлекающие факторы всегда присутствуют в той или иной степени. Они лишь меняются в зависимости от конкретных условий коммуникации. Работающий компьютер или шум транспорта, разговоры в соседнем помещении, только лишь присутствие кого-либо в вашей комнате могут создать трудности, в особенности — в ответственные моменты коммуникации. Решение проблемы внешне выглядит просто — избавиться от внешней помехи. Однако на практике это сделать непросто. Рассматриваемый

барьер характерен как для устной, так и для письменной коммуникации. Плохо пропечатанная страница с ошибками, отсутствие полей или разбивки текста на абзацы, безусловно, вызовут негативную реакцию у получателя, он будет отвлечен от текста указанными его «особенностями». Количество и разнообразие внешних помех при устной коммуникации не поддается учету. Более того, очень часто они выступают не по отдельности, а создают комбинационный внешний барьер, преодоление которого еще более сложная задача.

В теории и практике коммуникации выделяются довольно большие группы барьеров, которые оказывают влияние на эффективность общения при различных его формах. Эти барьеры имеют экстралингвистический характер, их проявление различно, оно может меняться под влиянием времени, места, иных обстоятельств. Кратко рассмотрим их.

Географический барьер. Параметры этого барьера определяются тремя показателями: расстоянием между коммуникантами, географическими условиями и условиями канала передачи информации. Для разных типов информации этот барьер имеет различную значимость. В области деловой коммуникации барьер имеет специфику, так как связан с понятием оперативности. Именно в деловой коммуникации уделяется большое внимание третьему показателю — географическим особенностям канала передачи информации. Передовые технологии во все большей степени устраняют воздействие этой составляющей, «приближая» коммуникантов друг к другу заменой заочных контактов аудиовизуальной коммуникацией, работающей в режиме реального времени.

Ведомственный барьер. Часто этот барьер называют фирменным. Его исследования в наибольшей мере относятся к правовой области. Барьер особенно значим в условиях острой конкуренции, когда новая информация может быть получена лишь путем противозаконного преодоления ведомственного барьера в результате взлома информационных защит. Бурное развитие специальностей, связанных с информационной безопасностью, свидетельствует о возрастающей значимости ведомственных барьеров, указывает на необходимость изучения всего комплекса факторов, формирующих барьеры этого типа, о разработке правовой защиты информации. В нашей стране эти осо-

бенности коммуникации нуждаются в системных, серьезных исследованиях.

Режимный барьер. В отличие от ведомственного барьера, возводимого предприятиями чаще всего в сфере экономической информации, режимный барьер связан с понятием государственного секрета, с установлением иерархии секретности для различных видов информации. Высота режимного барьера может быть различной. Недопустимо неоправданное завышение этого барьера ведет, в конце-концов, к подобным ответным мерам. Да и собственные специалисты при перестраховках, неразумных завышениях режимных барьеров страдают от информационных ограничений. Вместе с тем занижение режимных барьеров под влиянием различных (часто — политических) факторов неразумно с точки зрения безопасности государства, поскольку режимные ограничения относятся, как правило, не к отдельным сведениям, а к системам знаний, к сложным комплексам данных. В этой связи неоднозначные оценки специалистов получило решение В. Бакатина в определенный период развития отношений между США и нашей страной открыть американцам систему получения информации в строящемся здании посольства США.

Государственные барьеры. Барьер характеризуется наличием двух составляющих: государственной границей и особенностями государственной структуры. Если межгосударственные границы формируют определенные барьеры в информационном обмене вследствие формальных требований пограничного режима, устанавливаемого на юридической основе, то влияние государственной структуры на барьер зависит от степени автономности государственных органов в составе одного государства. Федеральное устройство страны, осложненное к тому же формальным и фактическим неравенством субъектов РФ, может довольно определенно удерживать заметный уровень государственных барьеров в пределах одной страны.

Экономические барьеры. Обусловлены недостаточными экономическими возможностями в приобретении такого специфического товара, каким является информация. Барьер, как правило, бывает односторонним, определяется финансовым состоянием получателя информации.

Анализ различных типов документов и коммуникативных ситуаций дает основание продолжить перечень типов информационных барьеров, но, думается, в этой области необходимо провести глубокие и целенаправленные исследования.

Рассматривая язык как основное средство общения, нельзя не вернуться к проблеме разграничения базисных понятий лингвистики: *язык, речь, текст*. Начальный уровень освоения этих понятий (например, Б.Н. Головин, 1977, с. 26—29) дает возможность почувствовать сложность отношений между ними. Классика лингвистики — труды П.С. Кузнецова, Т.П. Ломтева, Ф. де Соссюра — пытается установить характер взаимосвязей между этими важнейшими понятиями как с позиций содержательных, так и чисто функциональных, с их взаимовлиянием, диалектической неразрывностью. Речь как реализация языка в частных, конкретных условиях приобретает индивидуальную форму, во многом зависящую от обстоятельств, в которых реализуется язык. Язык создает мощную знаковую базу для дальнейшего его применения в различных формах, соответствующих обстоятельствам; индивидуальные пристрастия, целевая установка коммуникации, физические условия, этические и иные факторы воздействуют на выбор средств для *данной* коммуникативной ситуации. Проявление индивидуальных и воздействующих обстоятельств не может влиять на формирование речи таким образом, что речь, меняясь в широких диапазонах, остается в рамках возможностей языка. Изменение основы — языка — влечет за собой изменение характера речи. Индивидуальное в речи главным образом связано с комбинаторикой тех средств, которые предлагает язык. Таким образом, коммуникативное разнообразие обеспечивается возможностями языка, его способностью различным образом индивидуализироваться в речи. Индивидуализация речи, связанная с персональными возможностями коммуниканта, — явление довольно изменчивое. Изучение языка и привитие языкового вкуса (Костомаров) способны воздействовать на динамику индивидуального владения языком, что проявляется в речевой практике.

Особняком стоит освоение таких форм речи, которые соответствуют выполнению тех или иных функций личности. Здесь проявляется не только степень владения языком вообще, но и знание определенных формальных условий речевой ком-

муникации. Когда мы ставим грамотного человека, то есть личность, владеющую языком в морфологическом, орфоэпическом, синтаксическом и стилистическом отношениях, в условиях коммуникации он успешно решает вопросы: *как писать?*; *где писать?*; *как документ должен выглядеть вообще?* Это ситуация, которую надо решать в связи с различными формами официально-делового общения.

Понятие *релевантности*, широко используемое в информационном поиске, вполне подходит, чтобы описать модель коммуникативного процесса с участием естественного языка. В описательной форме эта модель будет выглядеть следующим образом: от идеи сообщения к выбору языковых средств, происходящему под воздействием внешних формальных условий коммуникации, далее к порождению совокупности речевых вариантов, в которых комбинаторно средствами языка отражена мысль, далее выбор оптимального речевого варианта, соответствующего формальным и содержательным требованиям, далее текстовая реализация избранного текстового варианта, являющегося релевантным.

Поскольку исходная идея формируется с использованием средств языка, испытывая воздействие условий коммуникации, решающим становится критерий выбора языковых средств. Очевидно, в результате могут появиться речевые варианты, которые в разной степени соответствуют всем требованиям данного коммуникативного процесса. Определение наиболее соответствующего ситуации и коммуникативной задаче (то есть релевантного процесса) — дело опыта и знаний. Разная степень произвольности в выборе языковых единиц связана как с формальными требованиями, так и с языковыми ресурсами, которые могут быть использованы для коммуникативных целей, а также с речевой традицией общества. Довольно показательны в этом отношении документы официально-делового стиля, для которых влияние дополнительных факторов становится столь значимым, что они *не произвольно сочиняются*, а *составляются*, то есть используют некоторые заготовки, относящиеся к различным языковым уровням.

Иногда формальные составляющие коммуникативных процессов начинают приобретать доминирующие положения, становясь даже преградой для эффективной коммуникации. Вне-

шние многочисленные атрибуты текста создают дополнительное чувство напряжения у коммуниканта, формируя нежелательные барьеры. Жесткие требования к языковым формам, символике, атрибутике коммуникативного акта пытаются сгладить путем создания менее официальной обстановки делового взаимодействия. Это относится и к языковой составляющей. Известны многочисленные случаи проведения ответственных переговоров в обстановке сниженной официальности. Принятие ответственных решений в результате переговоров, проведенных в гостиницах, домах отдыха, на дачах, на природе, в саунах и прочих малоподходящих на первый взгляд местах не снижает деловой результативности подобных переговоров. Хорошо известны подобные типы коммуникативных ситуаций на самом высоком уровне — признанные эффективными «встречи без галстуков», кроме прочего, очевидно, снижали требования к строгости отбора коммуникативных средств переговоров.

Упомянутый выше термин *текст*, как организованная, определенным образом зафиксированная речь, очень важен, поскольку он и отражение языкового материала (Шерба), и представитель определенной формы коммуникации, отражающий и материалом, и оформлением определенный вид коммуникативной ситуации.

Таким образом, можно констатировать, что реализация языка в определенных коммуникативных условиях способствует формированию текста (текстов), в определенной степени отражающего условия коммуникации. Потенциальная изменчивость, вариантность зафиксированной речи (текстов), соответствующей ситуации, отражает как возможности языка, так и влияние экстралингвистических факторов — условий, в которых язык функционирует.

1.3. Дифференциация языка и функциональные стили

Общественно-языковая практика в различных сферах деятельности человека сопровождается специализацией используемого в них языка. Варианты общего языка как национальной знаковой системы ориентированы на наиболее точную фиксацию, передачу всего комплекса знаний, настроений в отдельных типичных ситуациях. Типичные формы языка, используемые в тех или иных типичных обстоятельствах, представляют

стили. К сожалению, однозначного понимания стиля языка не существует, что свидетельствует о сложности и противоречивости этого понятия. Начиная разговор о стилях, принципиально важно предварить его рассмотрением такого явления, как дифференциация языка. Каков набор дифференциальных признаков, в соответствии с которыми мощная основа — национальный язык — проявляет те или иные свои потенции? Типичность, устойчивость ситуаций, многократно повторяемых в различное время и в разных пространственных координатах, создают в языке полиформность, при которой за типичной ситуацией закрепляется некоторая совокупность языковых средств.

Первый этап дифференциации — разделение современного русского языка как общенационального и международного на литературный язык и нелитературную форму языка. Не рассматривая язык за пределами его литературной формы, примем к сведению тот факт, что само содержание термина *литературный язык* трактуется в очень широких пределах. Иногда за основу этой разновидности современного русского языка принимается определенный уровень «обработанности» (Чешко, с. 5), иногда «тип речи» (!?— С.К.), сложившийся на базе русской письменности (Рахманин, с. 9). Безусловно, второй подход вызовет возражения, поскольку неразличение языка и речи в столь серьезной дефиниции обесценивает ее как доказательно-определятельный инструмент.

Нормированность литературного языка — важнейшее его качество. При этом нормированность распространяется на все языковые уровни: можно говорить о лексической норме, регулирующей использование лексических средств; о фонетической норме, определяющей произносительные параметры.

Велико число факторов, на основании которых осуществляется социально-функциональная стратификация языка (Сиротина и др., 1998, с. 31). При этом сразу определяется оппозиция между литературным языком, с одной стороны, и социально обусловленными и территориальными формами языка, с другой. Формы языка, не соответствующие языковой норме и принадлежащие социальным группам с преднамеренно или непреднамеренно сниженной языковой компетенцией, иногда называются *социолектами*. Региональные разновидности наци-

онального языка, *диалекты*, стремительно разрушаются; их изучение дает богатый материал как для лингвистов, так и для специалистов исторической науки, этнографии, исторической культурологии.

Зарождение и формирование литературного языка — сложный и длительный процесс. Внутреннее развитие и влияние других языков, усилия отдельных личностей и коллективов — это непрерывный, противоречивый процесс, который не только способствует становлению литературного языка, но и определяет внутреннее богатство, разнообразие текстового материала. Уникальный пергаментный юридический сборник XIV века, включающий Русскую Правду, — первый свод законов Киевской Руси. Уже в то время в формирующемся русском литературном языке намечается то разнообразие стилей и жанров, которое отражает богатство литературного языка и служит основой для дальнейшего развития документной базы.

Говоря о сферах функционирования языка, мы имеем в виду его применение в различных типовых ситуациях. Количество стилей, которое выделяется современными исследователями, не является общепринятой величиной. К тому же отсутствует единая точка зрения на то, стили чего рассматриваются в том или ином случае. Если не согласиться с высказываемым иногда соображением, идущим более от лингвистической бравады, о том, что функциональных стилей вообще не существует, то мы придем к принятию точки зрения о существовании стилистики языка, а ряд исследователей будут настаивать на существовании и стилистики языка, и стилистики речи. Последний подход наиболее цельно сформулирован в работах академика В.В. Виноградова (Виноградов, 1963) и развит его последователями, в частности, Б.Н. Головиным (Головин, 1988). Более того, в работах этого направления такой подход определяется как отдельное, самостоятельное явление, стоящее за пределами единой системы стилей, полученной в результате применения единых классифицирующих мер. Думается, подобный подход в силу особенностей художественной литературы обоснован. Условное единство стиля художественной литературы с ее жанровым разнообразием, противоречиями индивидуальных стилей усугубляется сложными отношениями стиля с критериями нормативности. Ненормативные компоненты художе-

ственного текста как отражение творческих исканий (от И. Баркова до Э. Лимонова) не позволяют однозначным образом позиционировать его в поле русского литературного языка, хотя аномальные процессы имеют несистемный, спонтанный характер. Вышеприведенные соображения дают возможность подумать еще над одним подходом дифференциации языка. Дифференциация средств и окраска единиц языка в связи с функционированием в различных типичных обстоятельствах соотносятся с функциональными стилями; языковые особенности каждого автора, если он свободен проявлять свою языковую индивидуальность, формируют явление индивидуального (индивидуально-авторского) стиля.

Возвращаясь к чрезвычайно важному соображению о существовании стиля языка и стиля речи, определим для себя, с чем мы имеем дело, обращаясь к совокупностям документов, работающих в официально-деловой сфере. Исследование подсистемы языковых средств различных уровней, которая выделяется из всей системы литературного языка, дает нам основание говорить об обращении к функциональному стилю языка. Стили речи выявляются в процессе рассмотрения конкретных «видов и актов общественного употребления языка» (Березин, Головин, с. 225), то есть стилистика речи имеет дело с разнообразием реализованных языковых возможностей, с жанрами, видами, формами письменных и устных документов как примеров языковой практики.

В прикладной и математической лингвистике уделяется большое внимание не стилям, а подъязыкам, последовательного различения между понятиями «стиль языка» и «стиль речи» не проводится. Под подъязыком понимается набор языковых элементов и их отношений, характерных для определенной предметной области, тематически однородной области знания (например, подъязыки экономики, техники, связи, медицины, документоведения и др.). Языковой стиль определяется как подсистема языковых элементов и их отношений, отличающий тексты с однотипной целевой и эмоциональной установкой от подсистем с иными функциональными заданиями. Таким образом, подъязык связан с представлением *о чем* говорят, а стиль — *как* говорят (Андреев).

Параметры речи тех текстов, которые относятся к определенному стилю, с той или иной степенью яркости проявляются на общем языковом фоне из-за целевого выбора языковых средств в этих текстах. То есть задача состоит в выборе означающих языковых средств на различных уровнях языка. Для подязыка первичной будет ориентация на выбор означаемых (предмет, область описания).

Количество функциональных стилей русского языка по-разному определяется различными лингвистическими школами и отдельными учеными, от невятного выделения трех (Рахманин, с. 10) до семи стилей (Андреев, с. 128). Различны и их наименования, что свидетельствует о различиях в понимании дифференциальных признаков стилей, различиях в определении между функциональными сферами, которые соответствуют «своим» стилям.

Остановимся на тех стилях, которые выделяются практически всеми исследователями.

Стиль художественной литературы. Встречается и иное название — художественный стиль. Ранее уже отмечалось, что в силу крайней индивидуализированности речи каждого участника творческого художественного процесса, интегрирующие признаки этого функционального стиля сталкиваются с противоречиями, обусловленными индивидуальными особенностями творчества и языкового использования. Кроме того, с полной определенностью нельзя говорить о нормативности всех речевых фрагментов. Отсюда особый статус этого стиля.

Разговорный стиль (разговорно-обиходный, разговорно-бытовой). Воплощается главным образом в устных формах. Характеризуясь относительно высокой степенью отступлений от требований нормы, зависимостью от условий коммуникации, диалогичностью, многообразием установок, неофициальностью коммуникативного фона, — этот стиль один из самых неоднородных с точки зрения диапазона использования языковых средств. Это обстоятельство иногда порождает дискуссии о целесообразности выделения разговорного стиля как самостоятельного явления (Сиротинина, с. 37).

Группу функциональных стилей книжно-письменного языка: публицистический, научный и официально-деловой — также можно считать неоднородной. Относительная нестрогость пуб-

лицистического стиля обусловлена обязательной эмоциональной составляющей, «социальной оценочностью» (Сиротинина, с. 38). Развитие жанрового разнообразия публицистического стиля расширяет спектр стилевых средств, при этом размываются границы между публицистикой и официально-деловыми, научными, иногда даже техническими документами. Все чаще появляются газетные материалы, свидетельствующие об интересе к социально-экономическим преобразованиям, их направлениям и сути (например, так называемая «Деловая страница» в волгоградской прессе). Специалисту в области прикладной лингвистики подобные материалы интересны как промежуточные, межстилевые, обладающие чертами и публицистического, и делового текста.

Изучение научного стиля необходимо рассматривать в контексте так называемой *специальной коммуникации*, суть которой определяется участием в ней языковых подсистем для специальных целей, того, что ранее мы назвали подъязыками, — наборами языковых элементов и отношений в текстах с однородной тематикой. Множество таких подъязыков, создаваемых на основе правил общего языка и отличающихся от иных составляющих последнего лексико-фразеологическим составом, грамматикой, формой представления сообщения, может называться «языком научной прозы», даже «языком деловой прозы» (Котов и др., с. 46). Обращает на себя внимание некоторая некорректность в наименовании языковых совокупностей, используемых в специальных коммуникациях. Если мы говорим о деловой прозе, то, чтобы быть последовательным в определении функциональных разновидностей языка, термин *деловая проза* будет использоваться нами при наименовании того, что относится к средствам и текстам официально-делового стиля. Термин *научная проза* (иногда — *научно-техническая проза*) относим к документам, представляющим научный стиль. Нарушения терминологической определенности в некоторой степени связано с тем, что при решении задач в коммуникации «человек—машина» в 60-е—80-е годы активными были выступления и публикации нелингвистов, полагавших вполне безобидным делом при решении стоявших перед ними задач принимать подобные допущения (Ершов: 1982, 1985). Значительное внимание к научному стилю, по крайней мере с середины

XX века, проявляется в изучении терминологических систем, составляющих лексико-фразеологическую основу стиля, в научных разработках, связанных с аналитико-синтетической обработкой научной и технической информации (аннотирование, научно-технический перевод, поиск и хранение информации), в поиске надежных и универсальных путей преодоления «информационного взрыва», которым было так напугано общество 60—70-х годов.

Интерес к документам научного стиля обусловлен, как минимум, двумя обстоятельствами: поисками оптимальных языковых средств для общения человека и автоматических устройств и необходимостью оптимизации научного обмена в условиях количественного роста и качественного усложнения накапливаемых знаний.

Очевидная связь между научно-техническим и официально-деловым стилями, основанная на ряде признаков, довольно часто в практике обработки текстов ведет к неразличению, объединению этих стилей в один «мегастиль» (Котов и др., с. 46). Близость указанных стилей определяется такими общими свойствами как:

- наличие принятых, согласованных ограничений на использование языковых средств, регламентация стандартизирующими и унифицирующими документами;
- отражение документами обоих стилей того, что можно назвать «производственными отношениями»;
- тексты связаны с официальным статусом лиц, участвующих в их создании, хранении и обработке, а также профессиональном использовании;
- модельность, регламентируемая процессуальность ситуаций, в которых тексты, представляющие стили, функционируют, эта модельность ситуаций определяет формализованность, относящуюся ко всем уровням средств документа (вероятно, эта формализованность выше для документов официально-делового стиля, несколько ниже — для документов научно-технического стиля);
- большие возможности в алгоритмизации технологических процессов, относящихся к созданию, обработке и использованию документов;

- способность документов обоих стилей независимо от их языка поддаваться автоматическому переводу, реферированию, автоматизированному информационному поиску и другим аналитико-синтетическим операциям.

Изучение научного и официально-делового стилей непременно затрагивает одно из обязательных условий формирования документов обоих стилей — высокую степень нормирования, осуществляемого с помощью различных дополнительных инструментов: стандартов, словарей, списков и пр. Нормирование представляет собой ряд последовательных процедур ограничительного характера. Для обоих стилей характерно как увеличение объема информации, так и изменение качественной структуры, появление новых видов документов, соответствующих направлениям развития общества в тех областях, которые требуют создания и использования документов указанных стилей.

Разнообразие документов одного стиля, их функциональная и лингвистическая неоднородность (даже при существенной близости тех черт, которые позволяют относить их к документам одного стиля) свидетельствуют о том, что разбиение сфер и результатов использования языка на функциональные стили является недостаточным или слишком общим. Степень внутренней неоднородности стиля определяет количество *подстилей* как разновидностей основного варианта — стиля. По мнению М.Н. Кожинной, термин «подстиль» является необщепринятым (Кожина, с. 69), однако степень его распространенности и отсутствие значимых противоречий в толковании дают основание принять его в качестве системной терминологической единицы. Количество подстилей, то есть степень внутренней неоднородности, различно для отдельных функциональных стилей. Иногда степень специфичности подстиля вообще ставит вопрос о его принадлежности к основному, родовому стилю, «макростилю». Вероятно на практике это может проявляться в тех случаях, когда имеет место интерференция между функциональными стилями. Это, кстати, достаточно частое явление для научно-технического и официально-делового стилей. Образуется переходный подстиль, параметры которого (особенно на лексико-фразеологическом уровне) имеют много общего как с одним, так и с другим из упомянутых «макрости-

лей». Значительное влияние на дифференциацию в пределах стиля оказывают экстралингвистические факторы. Думается, что функционально-стилевая классификация, предложенная Г.Я. Солгаником, в той части, где подстили определяются как родовые понятия, а жанровые стили — как видовые (Солганик, с. 172), требует обсуждения. По крайней мере, определитель «жанровый».

Функциональный стиль соотносится с определенной сферой коммуникации, то есть отношения устанавливаются между средствами и комбинаторными возможностями языка, ориентированными на выполнение определенных функций. Жанр — тип изложения, «способ общения» (Ванников, с. 84). Таким образом, переходя от стилей к более частному понятию *жанровые стили*, мы переходим от типологии языковых средств к типологии организации, «сосуда» для языковых средств. В целом понятно, что движение от наиболее общего понятия «языковой стиль» к более частным должно привести нас к индивидуальному стилю, отдельному документу, в котором необходимо будет выявлять отношения между общими (функциональными) и индивидуальными (авторскими) особенностями. Но насколько возможны проявления индивидуальных особенностей в документах официально-делового стиля? Вопрос остается открытым.

Многофакторность текстов, принадлежащих одному стилю, создает большие сложности в их классификации. Если классификация стилей по сфере функционирования (то есть перед нами очевидное экстралингвистическое основание классификации) вполне понятна — область функционирования определяет наименование стиля, то классификация текстов в пределах функционального стиля вызывает большое количество вопросов. Можно идти путем применения единого классифицирующего основания до конца, то есть сфера функционирования будет определять содержание подстилей, образующих их группы, подгрупп, образующих группы, и т. д. Практически это положение дел мы имеем сейчас в лингвистике, особенно в тех стилях, где глубина внутривидовых иерархических отношений достаточно велика (например, в официально-деловом стиле). Однако, имея в виду то принципиальное обстоятельство, что без собственно лингвистической классификации невозможно

установить системные закономерности в пределах функциональных стилей, подходы к интралингвистической классификации составляющих функциональных стилей необходимо начинать искать незамедлительно. Насколько это непростое дело, можно судить по усилиям, предпринятым Ю.В. Ванниковым при исследовании достаточно узкого направления — текстов как результатов научно-технического перевода (Ванников).

В конечном счете, проблема выделения и определения функциональных стилей есть задача классификационная. Выработка оснований классификации — задача чрезвычайно непростая, в особенности учитывая сложность лингвистических объектов. Классификация обязана будет учесть и номенклатуру языкового материала, и закономерности его комбинаторики в каждом стиле, и качественные характеристики единиц и отношений языка, и сферу функционирования текстов, и внеязыковые условия «работы» стиля, и формальные ограничения, накладываемые прагматикой, традицией, эстетикой, коммуникативными условиями. Вероятно эта сложность и вызывает пессимизм не только в единой классификации стилей (Кожина, 1983, с. 69), но и в существовании функциональных стилей вообще. Сомнения в существовании функциональных стилей высказаны, например, профессором Б.А. Зильбертом в ходе научной полемики по случаю защиты кандидатской диссертации Е.В. Ковшиковой (Ковшикова). Однако объективные языковые данные, социальная определенность, взаимоувязанность с правовой, экономической, образовательной и другими сторонами жизни дают нам основание обратиться к одной из наиболее мощных, внутренне противоречивых и затягивающих в сферу своего влияния разновидностей литературного языка — официально-деловому стилю с его основной единицей — документом.

1.4. Официально-деловой стиль. Документ

Определяя официально-деловой стиль как функциональный стиль, исследователи испытывают большие трудности. Эти трудности пытаются обходить либо описанием максимального количества стилевых черт (Кожина, 1983), либо выделением доминант как наиболее принципиальных признаков (Сиротина), либо перечислением тех типов документов, которые

представляют стиль (Практическая стилистика...; Рахманин). Иногда официально-деловой стиль даже не пытаются определить, выделение стилевых языковых черт заменяется описанием условий функционирования и примерами наиболее ярких лексико-фразеологических единиц, «настраивающих» нас на восприятие типичных для стиля речевых образцов. Трудность определения связана, кроме прочего, с довольно большой неоднородностью типов текстов, представляющих стиль. Эта неоднородность имеет многоуровневый характер: количество подстилей, о которых мы говорили ранее, в официально-деловом стиле трудно определить, трудно даже провести условные границы между ними. Здесь наблюдается первый парадокс официально-делового стиля: при высоком уровне формализованности материалов, при большом количестве вполне определенных качественных и количественных классифицирующих черт однозначная внутренняя стратификация подстилей и их составляющих удовлетворительных результатов не дает. Тем более сложной задачей является типологизация отдельных видов документов.

При всей сложности нахождения дефиниции для термина *официально-деловой стиль* попробуем определить его наиболее существенные черты. Сейчас это можно сделать, лишь обратившись к сфере функционирования тех типов текстов, которые представляют официально-деловой стиль. С нашей точки зрения, достаточно продуктивным здесь может быть диахронный подход, рассматривающий взаимосвязь между развивающимися сферами функционирования текстов официально-делового стиля и коммуникативными качествами самих текстов.

В ряде источников (например, Солганик; Шиленко, Колесник) зарождение официально-делового стиля связывают с текстами договоров Руси и Византии X века. Это верно лишь отчасти. Безусловно, функционально эти тексты соответствуют критериям официально-делового стиля. Однако они являются бессистемными, не включенными в достаточно представительный круг себе подобных, объединяемых устойчивыми нормами составления; они представляют собой плод эмпирической деятельности. То есть на этом этапе отмечаются два, по крайней мере, обстоятельства, заставляющих нас говорить лишь о предпосылках к формированию официально-делового стиля. Налицо отсутствие системности, единичность образцов и от-

сутствие нормирующей базы. В лингвистическом плане это отражается в неустойчивости использования средств языка, в незакрепленности формы. Можно говорить лишь о некоторой специфике оформления, соответствующей функциональным задачам текстов.

Очевидна корреляция между официально-деловым стилем и этапами в развитии институтов, являющихся основными потребителями и производителями документов стиля.

Стилевой синкретизм русского средневековья готовит и опробует ресурсы языка, изменяет стилистический статус единиц речевой практики, передавая им те качества, которые будут соотносить их со смысловой определенностью официально-делового стиля. Системные качества официально-делового стиля начинают приобретать лишь по мере формирования внешнего системного фактора — иерархической структуры государственных учреждений с определенностью взаимных прав и обязанностей, с их статусной определенностью относительно человека — члена общества своего времени. Основные составляющие в этом процессе — юридические и экономические отношения. Остальные составляющие являются лишь производными, вторичными. Первый этап становления стиля относится к XVI веку. Отмечается радикальный характер преобразования структуры государственных учреждений, предпринятый Иваном IV, учредившим в 50-е годы систему приказов, формирование которых стало довольно длительным и сложным процессом. Это неудивительно, ибо речь идет о смене системообразующих характеристик государства. Система приказов просуществовала вплоть до начала XVIII века, претерпев ряд изменений (Демидова). Принципы нераздельности судебной и административной власти, типологическая противопоставленность приказов (функциональные, территориальные, дворцовые и государственные) при всей размытости границ их деятельности создали условия для формирования *приказного делопроизводства*. Этот этап становления официально-делового стиля важен по следующим причинам:

- формируется слой специалистов — чиновничества, ориентированного на всестороннее знание документа, формируется иерархия чиновников с особыми функциями относительно документов;

- вырабатываются и совершенствуются формальные признаки документов, способствующие их функциональной дифференциации;
- вырабатывается технология подготовки, обработки, хранения документов;
- устанавливается функциональная иерархия документов, соответствующая иерархии институтов власти;
- в документотворчество и документооборот втягивается все большее количество людей, для которых становится необходимостью знакомство с условностями ряда документов (прежде всего — челобитные и прошения);
- изменяются лингвистические параметры документов, причем рост документационной базы влияет на изменения пропорций в использовании различных видов писем, на письменность в целом;
- возрастает доля скорописного письма в официальной сфере. Кроме того, к основным лингвистическим чертам документов этого времени можно отнести выработку композиционных принципов, в особенности в апеллятивной и заключительной частях; закрепляется статус реквизитов (например, печати и подписи); устанавливается определенное соответствие между типом документа и его композиционными и обязательными лексико-фразеологическими средствами.

Рационализация в организации государственных учреждений в начале XVIII века, сутью которой был переход от приказов к коллегиям, обусловила дальнейшие изменения в активно развивающемся официально-деловом стиле русского языка. Документы периода коллегий формализуются в еще большей степени, что является отражением исходной установки при переходе к коллегиям: устранить произвол и субъективизм приказной системы. Возрастает роль документов, отражающих коллегияльное мнение, что сказывается на распределительных характеристиках грамматических форм, связанных с категорией числа, категорией императивности, адресацией и подписным оформлением. Впрочем документы того периода еще ждут своего исследователя-лингвиста. В форме, терминологии и оформлении документов происходят изменения под влиянием западноевропейских образцов производства. Заимствованная терминология, рост пропорций документов, ориентированных на

международные контакты, и их интернационализация явились важными факторами развития официально-делового стиля. Произошло совершенствование системы регистрации документов с введением соответствующих реквизитов; были организованы системы хранения документов, что привело к необходимости более четкого языкового выражения целевых и содержательных признаков документов. Стремление регламентировать указом большинство сторон жизни привело к формированию содержательной основы для развития в последующем жанрового разнообразия документов. К началу XIX века была создана достаточно совершенная для того времени система делопроизводственных операций, способствовавшая формированию лингвистической основы современного официально-делового стиля. Дальнейшее развитие было связано с общим развитием русского языка, прежде всего с изменением его лексико-фразеологической подсистемы и подсистемы формальных компонентов. К ним относится композиционно-реквизитная структура, которая должна была не отставать от внеязыковых процессов: от появления новых правовых и экономических субъектов и отношений, от принципов и инструментов обработки деловых текстов.

Учреждение министерств Указом 1811 года привело к формированию новой структуры отношений, следствием чего явилось изменение текстового корпуса, представляющего официально-деловой стиль русского языка. Изменение пределов компетенции чиновников учреждений усложнило систему документации «по вертикали», то есть усложняется иерархическая структура документов, увеличивается количество их типов. Усложнение вертикальной структуры государственной власти делает более сложными и документопотоки, их упорядочение связано с совершенствованием бланковой системы, трафаретных документов и введением реквизитов, характеризующих уровни функционирования документов. Унифицируются трафаретные формы, вырабатываются требования к угловому штампу бланка. Проводятся попытки маршрутизации документов, «дабы бумаги сколь можно менее уклонялись от установленного им пути».

Развитие документационной структуры в XX веке представляет собой в большей мере совершенствование технологи-

ческих процессов, связанных с появлением новых средств составления и обработки документов. Однако при любых технических изменениях сохраняется принцип взаимосвязи множества документов, участвующих в решении экономических и правовых вопросов между гражданами и государственными органами, между физическими и юридическими лицами в различных их сочетаниях. Перечислительный подход к дефиниции официально-делового стиля вряд ли можно считать удовлетворительным, поскольку исчерпывающим образом перечислить типы документов, которые должны попасть в подобную дефиницию, невозможно из-за отсутствия конечного списка таких типов. Думается, определять окончательным образом официально-деловой стиль еще не пришло время. В этом нет ничего драматического. Не выявлена система тех принципиальных интралингвистических признаков, на основании которых можно было бы построить исчерпывающее, компактное и не допускающее двоякого толкования логическое определение официально-делового стиля. Отслеживая развитие признаков сферы функционирования документов и коррелирующие с ними признаки документов, можно определить ряд системных признаков стиля, которые могут стать частью логической основы дефиниции.

К этим признакам относятся: установление посредством документа экономических или (и) правовых отношений между субъектами отношений; непосредственная или опосредованная связь с государственными структурами, даже при кажущемся на первый взгляд включении в отношения негосударственных субъектов, государственные институты, выступая не получателями или отправителями документа, выступают контролирующей или регламентирующей инстанцией; отбор некоторых формальных признаков, относящихся к оформлению, вспомогательных элементов, внетекстовых параметров. Ряд признаков, которые, возможно, более верно было бы считать тенденциями, связаны со следующими качествами: нейтральность, отсутствие эмоциональности, полнота и точность формулировок, повторяемость, высокая частота архаичных или штамповых конструкций, собственные параметры распределения используемых лексико-фразеологических и синтаксических средств. Последнее качество, безусловно, имеет место, но, во-первых,

необходимо определение значений этих параметров распределения в сопоставлении с данными для материалов других функциональных стилей; во-вторых, по причине большой внутренней неоднородности официально-делового стиля вряд ли стоит рассчитывать на получение единой системы распределительных данных для всех жанров, представляющих подстили рассматриваемого стиля: либо мы получим систему довольно различающихся данных для различных жанров, либо усредненные распределительные показатели, ценность которых весьма сомнительна, ибо ситуация будет напоминать известный анекдот о средней температуре по больнице...

В отношении официально-делового стиля наиболее последовательно реализуются меры *стандартизации* и *унификации*. При этом стандартизируется не только форма документа, его содержательно-позиционные параметры — реквизиты, но и перечень языковых единиц различных уровней, прежде всего — лексико-фразеологические и синтаксические составляющие. С одной стороны, стандартизирующие документы закрепляют параметры делового текста, сложившиеся к данному времени, с другой — знание положений стандарта позволяет создать определенный мысленный образ формы и содержания разных типов документов. Последнее качество, рассматриваемое в контексте общества, определяет степень его (общества) документационной грамотности, зависящую от того, насколько прочно в сознании носителей языка запечатлены характерные признаки, представленные стандартизирующими средствами. Функциональная ситуация в сфере официально-деловых отношений соответствует содержательным и формальным признакам документов и их нормирующей базе.

Высокая неоднородность документов официально-делового стиля осложняет внутреннюю стратификацию стиля. В немногочисленных источниках, пытающихся определить подстили официально-делового стиля или хотя бы говорящих об их существовании (например, Кожина, 1983; Солганик; Практическая стилистика...), принципы дифференциации и их реализация вызывают дополнительные вопросы. При выделении официально-документального и обиходно-делового подстилей (Солганик) возникает вопрос о том, к какому из них относятся, например, документы экономического характера с их сложной

иерархией. Если отнесение к официально-документальному подстилю образцов, представляющих язык дипломатии и язык законов не вызывает возражений, то ограничение обиходно-делового подстиля кругом документов служебной переписки и деловыми бумагами можно считать лишь исходной попыткой внутрителиевой стратификации. Во-первых, слишком неопределенным и широким в жанровом отношении оказывается вид «деловые бумаги»; во-вторых, ряд документов явно не соответствует ни одной из видовых групп подстилей.

Можно предположить, что официально-деловой стиль русского языка — один из наиболее динамично развивающихся стилей. Темпы развития часто входят в противоречия с необходимым условием стандартизации. Процесс стандартизации требует времени, условий, при которых документ должен «устояться», войти в систему существующих документов. Динамика рассматриваемого стиля связана в значительной мере с изменениями в социально-экономической и политической сферах. Российские условия последних 10—15 лет давали большой простор для количественных и качественных изменений в документалистике и деловой речи. Многие документы подчиняются нормирующим положениям лишь отчасти. Ситуация усугубляется относительно высоким уровнем деловой и документационной безграмотности в обществе.

С полной определенностью можно сказать, что центральным понятием официально-делового стиля является *документ*. Различия в понимании этого термина, его широкое использование вне специальной сферы способствуют размыванию понятийной определенности.

За введением нового значения у довольно старого термина *документ* (*documentum*, лат. — доказательство) Петром I, переведенным как «письменное свидетельство» (Воробьев, с. 7), последовала цепь изменений в определениях. Основной тенденцией в изменении содержания термина было развитие его полисемии с одновременной специализацией появляющихся значений: от определения «всякая бумага, составленная законным порядком и могущая служить доказательством прав на что-нибудь или выполнение каких-либо обязанностей» (Павленко, с. 48) до группы определений, в основе которых отмечается некое соответствие между носителем и информацией. Самым

лаконичным является определение Оксфордского словаря: «Текст или изображение, имеющее информационное значение» (цит. по: Воробьев, с. 7).

Универсальное определение документа как любого материального носителя с закрепленной любым способом информацией на любом языке не может удовлетворить нас при рассмотрении документов, относящихся к официально-деловому стилю. Потому, прежде всего, что в официально-деловом стиле документ становится одним из основных объектов исследования; кроме содержания важными становятся его единицы и форма, возможные диапазоны его изменяемости и классифицирующие признаки. Вызывает размышления тот факт, что разработчики ГОСТа 6.38—90 «Система организационно-распорядительной документации. Требования и оформление документа» (ГОСТ 6.38—90) не рискнули определить основной объект стандартизации. Определение документа дополнительно затруднено активным увеличением видов носителей информации. Имеют ли равную силу в юридическом, информационном и других отношениях документы на бумажных носителях, на перфоносителях, на магнитных или электронно-оптических (CD) носителях? Допустимо ли в этих случаях рассмотрение с точки зрения «оригинал — копия»? Или документы независимо от носителя являются аутентичными (греч. «аутентикос» — соответствующий подлинному, действительный, подлинный)?

К экстралингвистическим проблемам делового документа, как показывает практика, с большим основанием можно отнести следующие:

- юридические (права документов на новых носителях, право копии документа, хранение документа и степень его секретности и др.);
- экономические (ценность документа как товара или эквивалента денег, экономическая правомочность и пр.);
- технические (хранение и обработка, представление в информационно-поисковых системах, связь с глобальными и региональными информационными сетями).

Не менее острой остается проблема жанрового разнообразия документов. Существующие классификации жанров оставляют много вопросов. При любой классификации большое количество жанров оказывается в промежуточном положении,

образуя переходные, межжанровые довольно обширные группы. Укрупненные жанровые совокупности документов можно было бы назвать следующим образом: государственные, административно-управленческие, финансово-экономические, рекламные, деловая переписка, документация общеорганизационная, документация личная. Условность и даже противоречивость этой классификации очевидны, однако она отражает тенденции в связях формы и функции документов. Сложности определения жанра связаны с различным пониманием этого термина в литературоведении и лингвистике. Поскольку для дальнейшего рассмотрения уточнение значения термина *жанр* является принципиальным, предлагается следующее определение. *Жанр документа* — функциональная разновидность речи, имеющая стандартизированную форму отражения, опирающаяся на средства официально-делового стиля и отвечающая требованиям композиционно-реквизитного состава, предусмотренным нормой и устоявшейся практикой.

Классификация документов не имеет единого основания. Для деловых документов в разной степени значимы следующие признаки, которые могут быть классифицирующими: по способу фиксации информации, по содержанию, по наименованию, по степени сложности и особенностям организации текста, по методу составления и каналам передачи, по срокам исполнения, по происхождению, по степени гласности, по юридической силе, по назначению, по срокам хранения, по сфере деятельности.

Можно отметить, что исходные признаки классификации имеют преимущественно внеязыковой характер. Вместе с тем документ, как лингвистический объект, обладает комплексом признаков, которые в случае их корректного вычленения и оценки значимости в типологизации документов, могут создать надежную интралингвистическую основу классификации.

ГЛАВА 2.

ПАРАМЕТРЫ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ

2.1. Композиционные особенности документов

Термин *композиция* имеет различные толкования. При этом к основному, родовому термину *композиция* могут присоединяться различные определители: реквизитная композиция, смысловая композиция, информационная композиция и пр. Но введение подобных терминов не снимает неопределенности, даже для документов официально-делового стиля, в отношении которых действуют ограничения или даже строгие предписания, обусловленные требованиями стандартизации, устоявшиеся закреплённые или незакреплённые правила. Чем выше степень закреплённости внутримоментной позиции словесных формулировок и чем жестче ограничения их лексико-фразеологического состава, тем ближе документ к тому, что называется *бланком*.

Чаще всего под композицией понимаются особенности пространственной соотнесённости частей документа, построение документа с точки зрения взаиморасположения тематически завершённых микроконтекстов в пределах документов, их физическое и смысловое позиционирование. В этом случае основными единицами, формирующими композиционную структуру документов, становятся отдельные высказывания, синтагмы. Сосюроевское понимание синтагмы, представленное в Лингвистическом энциклопедическом словаре (Кубрякова, с. 447), связано с формированием единицы на базе нескольких высказываний, соединённых единой функциональной задачей в пределах текста. Примем эту точку зрения для дальнейших рассуждений.

Довольно интересным и результативным может быть подход, в котором композиция связывается с понятием информационной ёмкости документа (Плэтт). В соответствии с концепцией В. Плэтта, композиционные составляющие влияют на информационную ёмкость документа, то есть на реальное количество информации, вложенное в текст, как физически ограниченное множество знаков языка.

В отличие от документов научно-технического стиля (монографий, статей, тезисов), имеющих довольно много общего по причине одинаковой целевой заданности, деловые документы преследуют слишком разные цели, работают в различных системах содержательных и причинно-следственных отношений. Универсальная структура научного документа выглядит довольно устойчиво для любого используемого в этой сфере жанра: постановка проблемы — гипотеза — объем исследований и терминология — общее рассмотрение проблемы — исторический анализ — методика изучения и анализ полученных результатов — неблагоприятствующие факторы — аналогии — анализ причин, выделение важнейших противоречий и факторов — окончательное рассмотрение проблемы — выводы. Не все приведенные компоненты присутствуют в каждой научной работе эксплицитно, различные причины будут определять выбор компонентов из перечня. Различным будет и объем разделов, соотнесенных с компонентами структуры. Это и будет определять соотношение компонентов — композиционных составляющих.

Для деловых документов вообще установить единую структуру композиционных составляющих вряд ли возможно. Конечно и для текста, относящегося к официально-деловому стилю, справедливо утверждение о том, что «правильно построенный текст — это такое единство предложений, которое направлено на выполнение определенных стратегических и тактических задач общения» (Демьянков, с. 113), но текст официально-делового стиля «обрастает» таким множеством условных решений, связанных с текстовой позицией того или иного составляющего, что говорить о «правильном» построении можно лишь как о проявлении логики в вербализации той части документа, которая предполагает не составление, а сочинение текста. Скажем, при подготовке такого документа, как заявление, заданы позиции адресата, адресанта, названия документа, завершающих реквизитов, а суть просьбы и обоснования в их речевом изложении потребуют при переходе от замысла к тексту координации соответствующих фрагментов относительно друг друга.

Попытки оптимизировать композиции деловых документов связаны с довольно сложной комплексной задачей: с одной стороны, такая оптимизация способствует унификации

документов определенного вида, все документы, работающие в рамках решения информационных задач одного типа построены одинаково; с другой стороны — стабильность композиции оптимизирует речевое общение, эта стабильность порождает условия для прогнозирования последующего информационного блока в документе, становится ясно, «что за чем будет». Таким образом, оптимизированная композиция становится довольно эффективным средством речевого воздействия, повышает прагматическую ценность документа.

Заданность композиции делового документа решает еще одну важную задачу: способствует поддержке таких параметров, как полнота и точность сведений, необходимых для данного типа документов. По сути вводится система ограничений на способ текстового воплощения необходимых компонентов передаваемого сообщения. Эти ограничения определяют наличие обязательной информации, связав ее с определенной позицией в документе. При этом упрощается задача анализа и обработки документов.

Регламентация порядка изложения как одна из основных составляющих композиционной характеристики в значительной мере зависит от функционально-прагматического типа документа, максимума регламентация достигает в машинообрабатываемых документах, относительно невелика она в деловых письмах, где ориентиром служит предметный интерес и сложившаяся традиция письма.

Композиция — в известной степени пространственная характеристика текста. Расположение долей информации, отвечающее требованиям коммуникативной задачи и определенным формальным требованиям, делает эту характеристику многозначной. Мы должны решить две, по крайней мере, задачи: *что* нужно и можно сказать в *этом* документе (определение смысла документа), и *как* это можно сказать, чтобы документ имел соответствующий статус. Обе задачи связаны с определением единиц, формирующими заданный текст. В число единиц безусловно войдут предложения, специфика которых в официально-деловом стиле — наличие большого количества устойчивых словосочетаний как опорных конструкций. Эти устойчивые словосочетания определяют композиционный каркас текста, его модальность и тональность.

В составе деловых документов отчетливо определяются границы между группами предложений, выполняющими определенную законченную функционально-смысловую роль. Микрореконтекст с завершенной мыслью и направленностью, как компонент смысловой структуры документа, имеет различные наименования: «Сложное синтаксическое целое, сверхфразовое единство, компонент, прозаическая строфа» (Солганик. С. 38) и др. Используя далее термин «сверхфразовое единство», заметим, что в текстах официально-делового стиля сложность предложений в коммуникативном отношении делает их эквивалентными сверхфразовым единствам. Прежде всего, в связи с рассмотрением сверхфразовых единств возникает проблема *рубрикации* — выделения в тексте документа составных частей. Кроме точки — знака окончания предложения, очевидным способом внешнего выражения композиционной структуры текста будет использование *абзаца*, под которым понимается либо отступ вправо на несколько знаков в самом начале строки, соответствующей началу очередного сверхфразового единства, либо пропуск строки между сверхфразовыми единствами. Абзацный пропуск — композиционный прием, используемый для показа перехода от одной мысли — части общего содержания документа — к другой. Наличие абзацев подчеркивает структуру и внутреннюю логику документа. Как уже отмечалось выше, сверхфразовое единство может состоять из одного предложения. Следовательно, абзацем может выделяться и одно предложение, чаще всего сложное по структуре и содержанию или имеющее особую коммуникативную нагрузку. Поскольку большая часть подходов к сверхфразовому единству имеет проблемный характер, ряд соображений о роли и особенностях этой единицы содержатся в разделе, дополняющем это пособие.

В тех случаях, когда сверхфразовые единства имеют самостоятельную коммуникативную задачу, обладают некоторой внутренней свободой в коммуникативном отношении, возможны более радикальные средства их выражения: нумерация, использование буквенной символики в качестве индексов сверхфразовых единств. При этом текст не только разбивается на фрагменты с некоторой самостоятельностью, но и еще более упорядочивается, приобретает более строгую структуру.

Блок сверхфразовых единств может формировать более крупные составные части текста. В отличие от сверхфразового единства фрагмент в документе может иметь еще более разнообразные функции и размеры. Это могут быть главы, параграфы, разделы, части, блоки. На практике текст часто строится таким образом, что параграф и глава соотносятся как часть и целое. Очень часто отмеченные фрагменты имеют свои собственные заголовки. В практических рекомендациях по рубрикации (Рахманин, с. 184—189) приводятся определенные условия использования вспомогательных рубрицирующих средств: нумерация при наличии как минимум двух элементов перечисления с одинаковым композиционным статусом, однородность рубрикаторов по отношению к фрагментам одного структурно-композиционного уровня, условность и однотипность пунктуации при рубрикации. К настоящему времени сохраняется довольно большое разнообразие в использовании средств рубрикации, возможно, здесь полезным было бы применение унифицирующих подходов.

Интересной и эффективной формой рубрикации является введение внутренних заголовков и подзаголовков. Эти средства не только вполне определенным образом отражают границы между фрагментами, но и логически упорядочивают текст, несут значительную коммуникативную нагрузку, выражая в компрессированной форме содержание соответствующего фрагмента. Коммуникативные возможности внутреннего заголовка, являющегося результатом аналитико-синтетической обработки текстового фрагмента, настолько значительны, что в информационном поиске известны случаи использования заголовков в качестве поисковых образов документов. Возможности как общих, так и внутренних заголовков, их составление и оформление достойны специального исследования. Необходимо обратить внимание на различия между внутренними заголовками и подзаголовком, следующим за основным заглавием. В последнем случае подзаголовок применяется для более полного или аспектного раскрытия содержания.

Схема построения текста с точки зрения иерархии композиционных составляющих, предложенная Г.Я. Солгаником: предложение — прозаическая строфа — фрагмент — глава — часть — законченное произведение (Солганик, с. 65), приме-

нительно к деловым документам не выглядит противоречивой. Однако возможно, что жанровые особенности документов не предполагают наличия всех уровней составляющих. Кроме того, не до конца решенный вопрос о принципах противопоставления, например, главы и части или фрагмента и главы не дает возможности однозначно квалифицировать композиционный тип единицы. Отмеченный особый характер предложения, в особенности сложность и объемность его в деловом тексте, изменяет статус этой единицы, делает ее неким промежуточным образованием, имеющим грамматический статус предложения и коммуникативный статус сверхфразового единства.

В отличие от текстов иных функциональных стилей, документы официально-делового стиля чаще всего небольшие по протяженности. Прагматика и стилевые ограничения делают каждый элемент документа максимально нагруженным коммуникативно. Увеличивается роль и удельная информационно-коммуникативная значимость каждой единицы, входящей в текст. Одними из наиболее значимых, формирующих «облик» деловых документов, являются лексико-фразеологические единицы.

2.2. Состав и стратификация лексико-фразеологических единиц официально-делового текста

Исследования языка деловой прозы, проводимые главным образом в рамках функциональной стилистики и лингвистики текста, выявляют все большее число количественных и качественных признаков, по которым можно производить классификацию документов официально-делового стиля. При учете даже части признаков становится ясно, что множество типов документов, заметно различающихся по сфере функционирования, по предметной соотнесенности и комбинаторике языковых средств, может лишь условно объединяться в рамках единого официально-делового стиля. Утверждения о высокой степени неизученности структуры деловых документов, их языковых особенностей (Герд, с. 5; Кожина, 1983, с. 182), вполне применимы и к классификации текстов, и к нахождению тех лингвистических оснований, по которым такую классифика-

цию можно было бы провести. При интенсивных попытках классифицировать тексты официально-делового стиля основное внимание обращается не на лингвистические, а на функциональные признаки документов. Критерии классификации носят описательный характер, используются принципы аналогии. В лучшем случае исследования ограничиваются констатацией самых общих отличий «от нормы» некоего усредненного «стандартного» языка. Например, «в этом стиле (документе, тексте) используется большее (меньшее) количество терминов...». Большее или меньшее относительно чего? Выделение доминанты стиля (Сиротинина, с. 37—43) относительно эффективно, когда доминантные признаки выделяются для всех стилей, то есть доминанта становится соотносительной оценкой. При этом доминанта каждого стиля сама по себе является комплексной, сложной характеристикой, включающей оценки для разноуровневых компонентов. В качестве характерных отличий официально-делового стиля различные источники (Васильева; Виноградов; Головин; Кожина, 1983) в конечном счете выделяют различные качества. Следующие качества: точность, простота, ясность, объективность, абстрактность, обобщенность, информационная насыщенность, лаконичность, эмоциональная нейтральность, однозначность, безличность, логическая связность, использование терминологии, символов и графики, стандартизованность — проявляются в различной степени.

Абсолютное большинство указанных свойств находит свое проявление на лексико-фразеологическом уровне. Возникает вопрос, какие единицы этого уровня обеспечивают соответствие документов предъявляемым требованиям. Сразу необходимо заметить, что перечисленные качества проявляются в документах официально-делового стиля в весьма различной степени. Это в очередной раз свидетельствует о большой внутрискладовой неоднородности. В свою очередь, функционально-коммуникативная неоднородность определяет колебания в составе лексических и фразеологических единиц для различных типов документов.

Есть основание предполагать, что такое качество, как точность определяется группой факторов: на лексико-фразеологическом уровне — использованием моносемантической лекси-

ки, терминологических единиц, выбором единиц с минимальной коннотацией. При этом отвергается полисемичная лексика, лексика с размытыми, неустоявшимися значениями. Простота, как основное проявление рациональности, реализуется через отказ от слов с эмоционально-оценочной окраской при одновременном относительно частом использовании штампов-фразеологизмов, которые не строятся, а воспроизводятся. Кроме того, простота исключает словесную вычурность, предпочтение отдается единицам принятым адаптированным стилем. Ясность, как качество документов официально-делового стиля, обеспечивается использованием лексики с устоявшимися значениями, исключением заимствований, еще на принятых языке, исключением перенасыщения текста терминологией. Объективность исключает использование разговорно-бытовой, оценочной лексики, вносящей субъективизм. Понятию абстрактности противоречит использование разговорно-бытовой лексики. Вообще само свойство абстрактности документов официально-делового стиля нуждается в уточнении. Речь, видимо, идет об обобщающих свойствах документов, входящих в круг правовой документации. Их широкая адресация, правовая обобщенность несколько отличны от того, что мы встречаем в документах, отражающих отношения в ситуации «личность, физическое лицо — организация, юридическое лицо, государство». Здесь, пожалуй, надо говорить о коммуникативной конкретности как на уровне документном, так и на уровне соответствующего действия, принятия решения. Абстрактность связана с привлечением абстрактной лексики, слов с отвлеченными значениями, официально-деловой лексики; конкретность связывается с адресацией документа, наличием определенного адресата и адресанта, уникальностью документируемой ситуации. Все это отразится в привлечении индивидуализирующих реквизитов, большей доле лексики с пространственно-временными значениями и (или) имен собственных. Информационной насыщенности официально-деловых документов способствует включение в них аббревиатур, терминологии, исключение вводностей. Отказ от поэтизмов, разговорной, просторечной лексики способствует эмоциональной нейтральности документов. Однозначность является принципиальным качеством. Моносемичная лексика, терминологизация, примене-

ние приемов, снимающих многозначность (использование синонимов и повторов, в том числе), способствуют однозначности документов и невозможности его двоякого толкования. Стандартизированность обеспечивается не только использованием терминологических единиц, но и закреплением тех лексико-фразеологических единиц, которые носят характер клише, даже при непостоянности, вариативности их состава.

Если определить общие характеристики лексико-фразеологических единиц в официально-деловых текстах, то можно отметить следующее.

Способ номинации: стремление к реализации прямых лексических значений; семантическая мотивированность: отсутствие ограничений в использовании слов с мотивированными и немотивированными значениями, реализация общеязыковых закономерностей в отношениях между значениями и компонентами, их выражающими (Улуханов, с. 100—101).

Возможности лексической сочетаемости: в этом отношении документы официально-делового стиля обладают достаточно определенной спецификой, увеличение доли слов с несвободными значениями является одним из проявлений действия унифицирующих законов; унификация, кроме того, «связывает» используемую лексику, закрепляет позиции валентности в сочетаниях, создавая малопроницаемые сверхфразеологизмы, воспроизводимыми становятся не только словосочетания, но и целые фразы и сверхфразовые единства.

Характер выполняемых функций: количество единиц со строгой номинацией не просто превышает количество экспрессивно-образных, первые создают лексическую основу официально-деловых документов.

Характер связей между лексическими значениями: различен для разных типов лексики, слова с *автономными* значениями (то есть относительно независимые в языковой системе, обозначающие преимущественно конкретные предметы (Розенталь, Голуб, Теленкова, с. 25)) в официально-деловых документах заметно варьируют в зависимости от жанровой принадлежности и степени конкретности — абстрактности документа (сравните: кодекс — заявление о ремонте сантехники); такие же вариации будут наблюдаться для лексики с *соотносительными* значениями (то есть слов со значениями противопостав-

ленными друг другу: «обязательность поставки», «беспроцентный кредит»; слова с *детерминированными* значениями («...которые как бы обусловлены значениями других слов...» (Шмелев, с. 81)) в силу их особенностей малоупотребительны в рассматриваемых типах текстов, их использование смещает официально-деловую речь в область публицистики, создает вместе с другими средствами некий пограничный подстиль, имеющий самостоятельную сферу применения.

Степень представленности в текстах полисемичных и моносемичных слов является довольно верным идентификатором типа самого текста. Растворенная во многих высказываниях мысль о моносемантичности лексики документов официально-делового стиля характеризует ситуацию в чрезвычайно обобщенной форме. Для различных типов однозначных слов ситуация будет выглядеть по-разному. Так, безусловно однозначные имена собственные и номенклатурные единицы с их предельно конкретным значением — типичны для деловых документов, моносемичны и некоторые другие единицы, например, недавно вошедшие в русский язык созданные или заимствованные слова-термины, не приобретшие в заимствующем языке вторичные значения: брокер, транш, файл. Подобна ситуация для слов с узкопредметными значениями, обозначающими специальные предметы и отношения, что способствует сохранению их однозначности: вещание, заграждение. Однозначность терминов является как бы само собой разумеющейся. Вообще надо отметить, что использование однозначной лексики диктуется более общим требованием — необходимостью однозначности самого документа. И это требование реализуется, как мы увидим далее, не только на лексико-фразеологическом, но и на иных уровнях. Было бы неверно полностью исключать из состава лексики официально-деловых документов полисемичные единицы, просто степень ее представленности существенно ниже, чем в документах иных стилей, прежде всего — разговорного, публицистического и стиля художественной литературы. Тем не менее, в представленном фрагменте текста отметим полисемичные единицы: «...комиссия проверила *организацию* и *условия* хранения *объектов* в *Комитете* культуры. Документы хранятся в *подразделениях* и в *общем* отделе».

Многозначные элементы входят в состав устойчивых единиц: условия, общий, комитет.

Совершенно понятно желание свести к минимуму встречаемость лексических омонимов, затрудняющих понимание текста. Впрочем, встречаемость омонимов в большей мере обусловлена не тем, что эти единицы характерны для деловой, канцелярской лексики, а тем, что омонимы являются единицами лексики той предметной области, с которой связан деловой документ. Например, в лексике торговли, коммунального хозяйства, финансов или другой, связанной со сферой функционирования документа.

Вопрос о возможности или степени использования синонимов в деловых документах не является простым. На первый взгляд — синонимия нежелательна, поскольку нарушает требования однотипности наименования предметов рассмотрения. Из синонимического ряда выбирается единица если не стандартизированная, то унифицированная в рамках определенного вида документов. Предпочтения определяются традицией, распространенностью, понятийной определенностью самой единицы. С другой стороны — ограничения, ведущие к использованию лишь одной единицы синонимического ряда противоречат стиливым, доказательно-аргументирующим свойствам текста. Отсюда ситуации, в которых синонимия может быть признана допустимой и даже желательной. Иногда в качестве синонимов лексических единиц выступают дефинитивно-описательные конструкции. Синонимия перестает быть лексической и приобретает лексико-фразеологический характер: «организация ХХХ, осуществляющая продажу оборудования и именуемая в дальнейшем Продавец», «проект контракта на строительство под ключ, то есть строительство объекта до стадии выпуска предусмотренной соглашением продукции».

Большого внимания требуют к себе паронимические явления, довольно весомо представленные в деловых текстах разных жанров. Достаточно обратиться к малой части той высокочастотной лексики, которая встречается в текстах: «уплатить» — «оплатить», «безответный» — «безответственный», «груз» — «нагрузка», «командированный» — «командировочный», «экономичный» — «экономический», «дефектный» — «дефективный» и др. Изучение паронимии в официально-деловых текстах

важно по ряду причин: в связи с ее распространенностью, стилеразрушительным влиянием (для паронимов с различной функционально-стилевой закрепленностью), способностью формировать коммуникативные барьеры, исказить смысл текста.

Формирование лексического состава русского делового документа имеет сложный и продолжительный характер. При рассмотрении становления официально-делового стиля мы говорили о нескольких этапах в формировании институтов, связанных с делопроизводством и документалистикой, и, соответственно, об этапах развития самой структуры документов. Ясно, что лексика официально-делового стиля изменялась довольно активно, образование и заимствования слов, уход архаичной лексики — все общеязыковые процессы имели место и в лексике официально-делового стиля. В лексике этого стиля ярко проявились адсорбирующие свойства русского языка: заимствования допетровской эпохи, имевшие ограниченный, несистемный характер, заимствования XVIII—XIX веков с вариациями в языковых предпочтениях, «американизация» лексики деловых бумаг в XX веке, особенно в последнее десятилетие. Адсорбирующая сила не исключает избирательности. Наиболее активно заимствующие подязыки — экономика, торговля, финансы, правоведение. Зачастую активность и объемы заимствований в этих областях вызывают негативную реакцию и у специалистов, и в обществе в целом. К сожалению, недостаточно исследований по динамике изменения лексико-фразеологической системы официально-делового стиля. Диахронические подходы могут дать представление о степени изменчивости лексического состава деловых документов, уровне архаизированности лексического состава и интенсивности проникновения неологизмов.

Если говорить о лексике ограниченной сферы употребления, то заметно, что в деловых документах различные подвиды этой лексики проявляют себя различным образом: поиски диалектной и жаргонной лексики уместны только в том случае, если мы занимаемся исследованием нарушений лексико-фразеологического состава (Ковшикова). Иным образом обстоит дело с терминологической и профессиональной лексикой. Активность этой лексики, ее представленность в документах чрезвычайно высоки, хотя наблюдаются различия в реализуемости

терминов и профессионализмов. Активность терминов заметно выше. Жанровые особенности документов влияют на насыщенность текста названными единицами. Здесь сказываются функциональные задачи документа. Чрезвычайно интересным является вопрос о представленности терминологии той или иной предметной области. Экономическая, юридическая, управленческая терминологии будут, видимо, лидерами в количественном отношении при анализе общего терминологического состава документов.

Фразеологический состав официально-деловых текстов будет иметь характерные особенности.

Во-первых, довольно узок состав фразеологических единиц, встречаемых в деловых документах. Отсутствует междометная фразеология, мифологизмы, фразеологизмы на библейской, старославянской основе. Во-вторых, высока частота многокомпонентных терминологических единиц, то есть терминологических фразеологизмов соответствующей предметной области. В-третьих, выделяется особая группа фразеологизмов, имеющих внутристилевого характер, речь идет о разнообразных клишированных единицах.

Заметно отсутствие фразеологизмов с яркой эмоционально-образной окраской, представленным единицам присуща эмоциональная сухость, даже если они выполняют оценочные функции: «требует доработки», «не соответствует требованиям», «противоречит требованиям» и пр. Возможно рано говорить о фразеологизации подобных оборотов, но их устойчивость и определенность содержания свидетельствуют о тенденциях к тому. В этой связи можно только приветствовать постановку задачи, связанной с исследованием взаимосвязи между структурными особенностями устойчивых выражений и распределением в них смысловых составляющих (Рахманин, с. 50).

Материал текстов различных типов позволяет говорить, вероятно, о трех видах устойчивых многокомпонентных единиц. Это единицы, входящие в состав терминологии соответствующей предметной области. Например, в контрактных документах: «отгрузка продукции», «гарантийные условия», «форс-мажорные обстоятельства» и др.; в юридических документах: «дача показаний», «взаимная ответственность сторон», «оценка материального ущерба», пр. Вторыми необходимо на-

звать довольно высокочастотные фразеологизмы собственно деловой сферы: «служебный документ», «административно-производственная ситуация», «образец оформления документа» и др. Третьим типом устойчивых единиц являются стандартные обороты речи, коммуникативные клише, которые с минимальными вариациями воспроизводятся в документах, придавая им определенную стилистическую окраску. Речь идет о таких единицах, как: «учитывая вышеприведенные аргументы», «в связи со сложившейся ситуацией», «довести до сведения», «в порядке исключения + *инфинитив*» и др. Типичность ситуаций и правовых оснований порождает формирование класса единиц, называемых «речевыми формулами» (Рахманин, с. 50).

Исследование качественного состава лексико-фразеологических единиц приводит к ряду промежуточных соображений, требующих, безусловно, экспериментального подтверждения.

Документы официально-делового стиля обладают спецификой с точки зрения содержания и распределения лексико-фразеологических единиц, входящих в тексты. Особенности заключаются в сочетании терминологических единиц предметных областей с лексико-фразеологическими единицами, формирующими подязык собственно документалистики и документо-ведения. Используются, безусловно, ограниченные нормирующими условиями единицы общелитературного языка, максимальные ограничения относятся к оценочно-эмоциональной составляющей. Принципиальным является не только то, *что* используется в текстах деловых документов. Попытка перечислить все типы встречающихся в текстах единиц или указать все нежелательные, запрещенные единицы дают возможность описать лишь общие контуры лексико-фразеологического своеобразия. При этом непредвзятый исследователь обязательно обратит внимание на то, что оснований для убедительного разграничения лексического состава текстов «без остатка», практически нет. И эта особенность будет проявляться не только на лексико-фразеологическом уровне. Более того, жанровое многообразие документов официально-делового стиля еще более «размоет» основания для перечислительного, качествен-ного сопоставления текстов одного и разных стилей. В этой ситуации представляется целесообразным говорить не об использовании той или иной единицы, а о степени ее представленности в

различных текстах или документах. Таким образом, речь идет о количественной оценке распределительных характеристик для единиц любого или нескольких уровней. Основная гипотеза, связанная со своеобразием лексико-фразеологического состава документов, скажем, официально-делового стиля заключается в предположении о том, что основные различия между лексико-фразеологическим составом текстов официально-делового стиля и текстов, относящихся к иным функциональным стилям, лежит не в сфере номенклатуры единиц, их типологии, а в сфере степени их использования, варьирующей в зависимости от экстралингвистических и интралингвистических условий функционирования стиля. Следовательно, и в публицистической, и научной, и в деловой речи, вероятно, — в художественных текстах мы встретим все разнообразие лексико-фразеологических единиц, но их относительная интенсивность реализации, степень встречаемости и распространенности будут различными. Принципиальность этого соображения заставляет нас вернуться к этой проблеме в экспериментальном продолжении работы.

Как представляется, вполне допустим подобный подход при анализе текстов на синтаксическом уровне, но прежде рассмотрим те синтаксические особенности деловых документов, которые наиболее часто упоминаются в учебной и научной литературе.

2.3. Синтаксис делового документа

Принципиальным и продуктивным представляется сообщение о доминантном характере точности и однозначности официально-делового стиля (Сиротинина, с. 38). Следствия этого положения, проявляющиеся на синтаксическом уровне, взаимодействуют с рядом других синтаксических особенностей, обусловленных лингвистическими, функциональными, историческими и прагматическими причинами. Сложными являются как причины, то есть факторы, воздействующие на синтаксические характеристики деловых бумаг, так и следствия: синтаксические характеристики соответствующих текстов.

Первой особенностью («первый» здесь значит вовсе не «основной») предложений в деловых документах является их насыщенность синтаксическими клише. Это своеобразные «стро-

ительные блоки» предложений, дополняемые индивидуализирующими данными. Здесь надо отметить еще одну особенность, сближающую научно-технический и официально-деловой стили. В первом из них также встречаются клишированные фрагменты. В некоторых пособиях даны упорядоченные списки клишированных фрагментов предложений, авторы пособий полагают, что изучение таких списков может помочь в работе над текстами научных документов (Демидова, с. 37). Думается, что изучение состава подобных синтаксических фрагментов в текстах официально-делового стиля и формирование их списков является перспективной задачей.

Вторая особенность предложений в деловых документах — насыщенность обособленными и необособленными, распространенными и нераспространенными второстепенными членами предложения. Связано это с желанием и необходимостью максимально снять неопределенности, однозначно очертить объекты и отношения, рассматриваемые в документах.

Третья особенность, которую корректнее всего сформулировать как гипотезу, предположение об особом характере распределительных характеристик предложений различного типа и различной длины. Как неоднородность и многожанровость официально-делового стиля, так и неполнота имеющихся данных не дают нам возможности сформулировать «универсальное» утверждение, характеризующее реальные пропорции представленности тех или иных видов предложений в текстах. Утверждения следующего типа: «...сложность описываемых ситуаций и стремление к точности приводят к преобладанию сложных предложений над простыми» (Шиленко, Колесник, с. 16), «...длинные предложения с массой уточняющих оборотов» (Сиротина, с. 38) скорее порождают новые вопросы, чем решают имеющиеся. Для каких текстов справедливы процитированные утверждения? Чем описанные ситуации отличаются от положения дел в иных функциональных стилях? Насколько устойчивым является декларируемый признак (если он вообще справедлив) для разных типов деловых текстов?

Следующей особенностью синтаксиса деловых документов является отражение в типологических характеристиках предложений тенденций к обезличиванию изложения. На синтаксическом уровне эта особенность проявляется в «потере» под-

лежащего со значением лица. Хотя и этот признак проявляется неравномерно и зависит от жанра.

По данным группы «Статистика речи», документы официально-делового стиля обладают наибольшей избыточностью и контекстной обусловленностью (Пиотровский, с. 75). В связи с этим можно сказать, что избыточность текста как коэффициент отношения объема текста к измеренному комбинаторным или вероятностным методом количеству информации (там же, с. 6) является не только следствием высокой лексической обусловленности единиц в деловых текстах, но и результатом синтаксической обусловленности: последующие синтаксические единицы в значительной мере обусловлены, predeterminedены предыдущими. Это явление связано и с устойчивым характером относительно большого числа синтаксических единиц, и с ограничением лексико-синтаксической номенклатуры характерных единиц стиля, включая модели построения предложений с их воспроизводимыми компонентами, и с нормированием, действием регламентирующих правил, отражающих тенденции к стандартизации и унификации. Последнее особенно заметно при сравнении со стилем художественной литературы: более слабые связи в художественном стиле определяются не только существенно более редким использованием стилистических штампов, но и неожиданностью в синтаксических соединениях при создании метафор, сравнений, олицетворений и других средств стиля.

Можно предположить, что для документов официально-делового стиля по сравнению с материалом других функциональных стилей в высокой степени реализуется принцип компактности (Андреев, с. 115), заключающийся в том, что количество ближних связей в каждом предложении заметно выше, чем количество дальних связей.

Синтаксические особенности включают и способы изложения, в наибольшей степени присущие данному стилю. Из довольно большого набора способов изложения в документах официально-делового стиля чаще всего реализуются констатирующий, описательный, объяснительный, монологический, повествовательный. На синтаксическом уровне эти способы проявляются в типологических характеристиках и распределительных данных синтаксических единиц.

К характерным особенностям деловых документов можно отнести строгость порядка слов в предложениях; эта строгость является следствием обязательного выполнения условий — однозначности и точности.

Иногда отмечается высокая активность инфинитивных конструкций в текстах деловых бумаг. Вероятно, это связано как с их скрытой или очевидной императивностью, что естественно для выполнения тех функций, с которыми большая часть этих бумаг связана, так и с безличностью, как типовой характеристикой стиля. Наряду с высокочастотностью инфинитивных конструкций отмечается активность условных предложений.

Сведение синтаксиса деловой речи к определению большей или меньшей используемости тех или иных конструкций не исчерпывает того, что может быть названо синтаксическими характеристиками документной лингвистики.

От обращения к свободе порядка слов в общем плане (Рахманин, с. 105) есть смысл перейти к рассмотрению тенденций в расстановке частей предложения для документов официально-делового стиля. Здесь более всего интересны инверсные процессы, их допустимость и принципы реализации как стилеобразующего средства. При этом важными являются следующие явления: инверсия в перечислительных конструкциях и инверсия между словосочетаниями в составе предложения. Заслуживает внимание параллелизм синтаксических конструкций и стилевые ограничения на их многообразие. Отмечается многими исследователями высокая активность причастных и деепричастных конструкций в различных функциях, которая перегружает текст, делает его тяжеловесным, непрозрачным, окрашивает теми специфическими «канцелярско-бюрократическими» тонами, которые многим совершенно справедливо не нравятся. Частая повторяемость таких конструкций вступает в конфликт как со стилистикой, так и с эстетикой текста. Отсюда попытка, не потеряв точности и информативности, найти оптимальную параллельную конструкцию, которой чаще всего оказывается придаточное предложение.

Хотя в литературе рассматривается возможность использования неполных предложений в текстах деловых документов (Рахманин, с. 130—131), рекомендовать регулярное и неоправ-

данное их использование представляется неверным. И дело здесь не только в потере того уровня избыточности, который обеспечивает коммуникативную возможность текста, но и в создании предпосылок для различных речевых ошибок, в размывании принципов стиля и в приобретении текстом разговорной окраски.

Особую роль в документах официально-делового стиля играют сложные предложения, встречаемость которых в деловых текстах относительно высока. Здесь правомерны два вопроса. Чем обусловлена активность сложных предложений? Какого типа сложные предложения наиболее часто встречаются в рассматриваемом стиле.

Высокая частота встречаемости сложных предложений обуславливается коммуникативными требованиями определенности и однозначности. С помощью сложного предложения более точно выражается сложная, многоаспектная мысль. Множественность и сложность, многокомпонентность аргументации также находят свое отражение в сложных синтаксических конструкциях. Вместе с тем, довольно часто встречаются случаи, когда синтаксическая сложность приобретает неоправданно гипертрофированные формы; возникают предложения, которые чрезмерно длинны и трудны для осмысления. Часто использование сложных предложений отражает сложность предметно-содержательной структуры документов. Множественность одноуровневых или иерархизированных объектов описания, их типологическая однородность или соподчиненность обуславливают формирование коммуникативных единиц, отражающих сложность содержания в синтаксической сложности.

Относительно типологической активности сложных предложений в деловых текстах существуют различные, часто противоречивые соображения. В частности, высказываются мысли о «сравнительно низком проценте сложноподчиненных предложений» (Кожина, 1983, с. 177); о доминантности длинных предложений с массой уточняющих оборотов (Сиротинина); есть предположения, что в канцелярских документах, как правило, употребляются сложноподчиненные предложения. Налицо явные противоречия или, как минимум, недостаточность исходных данных для того, чтобы определенно говорить о рас-

пределительных характеристиках сложных предложений различных типов в текстах деловых документов.

Похоже, что во многих случаях оценка производится без глубокого анализа с применением необходимых лингвистических инструментов. Следовательно, можно говорить лишь о гипотезах, формирующихся на основе предварительных впечатлений. Однако, вполне допустимо предположение о том, что противоречивые оценки являются отражением внутристилистической неоднородности, многожанровости документов. Сфера обращения и создания документа определяет его содержательно-композиционные характеристики, тесно связанные с принципами построения высказывания. Все это сказывается на структуре предложения, взаимовлиянии его частей и способах их взаимной организации. Объективные исследования распределительных характеристик предложений в деловых документах являются практически важной задачей. Ее решение даст основание не только говорить о неких правилах, соблюдение которых позволяет тексту соответствовать стилю, но и создаст комплекс данных для собственно лингвистической внутристилевой классификации документов. Ситуация с типологическим распределением синтаксических единиц в деловых документах наилучшим образом подтверждает мысль о том, что «деловая речь — область наименее исследованная в функционально-стилистическом отношении» (Кожина, с. 182).

Функционально и тематически объединенная группа предложений формирует более сложную, объемную единицу. Эта единица относится как к коммуникативному уровню, представляя собой некий смысловой фрагмент с закрепленным местом в составе текста, так и к синтаксическому, поскольку перед нами единство, образованное синтаксическими единицами, объединенное грамматическими отношениями, то есть сформировано «сверхпредложение», совпадающее с сверхфразовым единством, о котором мы говорили ранее.

Характер сверхфразового единства в деловых документах недостаточно изучен. Вместе с тем, относительно большое количество сверхфразовых единств, приходящихся на один, даже сравнительно небольшой по объему документ, частые разбиения текста, при которых сверхфразовые единства образуются небольшим числом предложений, заставляют обратить на них

особое внимание. Небольшие размеры сверхфразовых единств в деловых документах связаны с рядом принципов построения текста. Сказываются требования компактности и конкретности документов, содержательной определенности и функциональной «одновекторности»: документ должен решать одну конкретную задачу. Вместе с тем, документ должен включать относительно самостоятельные содержательные разделы: решение, обоснование, предложение и др. Это проявляется в фрагментировании текста на сверхфразовые единства.

Синтаксические характеристики текстов официально-делового стиля в составе других собственно лингвистических признаков являются важным классифицирующим показателем. Однако, как видно, существует тесная взаимосвязь между системами признаков всех языковых уровней. Их комплексный учет дает возможность более последовательно сопоставить особенности функциональных стилей и определить степень их внутрискладевой неоднородности.

2.4. Принципы оценки официально-деловых документов

Совершенно очевидно, что основным критерием оценки делового документа является его эффективность, то есть практический результат в сфере обращения документа: в управлении, экономике, правовых отношениях или администрировании. Экстралингвистическая составляющая в определении качества и эффективности документа в большой мере зависит от предметной сферы, устройства системы, в которой осуществляется документационная коммуникация.

При большой разнородности документов официально-делового стиля трудно определить универсальные критерии, с помощью которых можно было бы дать комплексные и сопоставимые оценки для документов различных подстилей и жанров. Поэтому на этом этапе развития документоведения реальной остается лишь выработка подходов, в рамках которых будут получены выборочные количественные или качественные характеристики как основа будущей системной оценки.

Классификацию объектов, объединяемых термином *документ*, логичнее всего проводить исходя из сложившейся иерар-

хии, основанной на родо-видовой оценке документальных источников.

Первый уровень классификации позволяет нам разделить документы на объекты, соотносимые с функционированием в официально-деловой среде, и объекты научно-технические, то есть документы, попадающие в сферу научно-технического стиля. При безусловной важности и ценности вторых, обратим внимание на документы официально-делового стиля. Чрезвычайно большое разнообразие документов, их разноаспектность с жесткой ситуативно-функциональной привязкой, динамика в развитии типов, внутржанровые модификации — все это затрудняет не только применение, но и выработку единого универсального классифицирующего основания. Из существующих подходов можно остановиться на следующих, имеющих эмпирический, априорный характер.

Необходимо все-таки разделить интралингвистические и экстралингвистические признаки документов, могущие лечь в основу классификации. До настоящего времени наиболее часто используются экстралингвистические признаки. Основными из них являются следующие.

Сфера функционирования документов. Классификация документов по сфере их функционирования практически представляет собой проекцию институтов общества на его документационный массив. Типология, в основе которой лежит соотнесенность с предметной сферой, является, пожалуй, основной в классификации русских деловых бумаг. Наименование коммуникативных условий или участников коммуникации определяет название типа документов: личные, коммерческие, распорядительные и пр. Впрочем, и здесь отмечается неоднородность, нарушение классифицирующих оснований. Если в наименовании типа, например, «личные», классифицирующим признаком является отнесенность к отправителю, то в типовом наименовании «распорядительные» классифицирующей доминантой является функционально-целевая характеристика. Различия в функциональных данных становятся основой внутрстилевого деления на подстили (например, дипломатический, административно-канцелярский и др.) (Практическая стилистика..., с. 31, 34).

Уровень полномочий и ответственности. Структура и наименование документов представляет собой формальную лингвистическую проекцию существующей структуры организаций и учреждений, работающих с документами. Отсюда классификационный подход, основанный на соподчинении документов, отражающем соподчинительные отношения между учреждениями, предприятиями и организациями. Понятие «подзаконный акт» как некий тип документа, иерархически подчиненный вышестоящему в иерархии закону, является достаточно показательным в этом отношении.

Место составления и сфера обращения. Определения «внутренние» и «внешние» документы обозначают сферу обращения документов, поле их действия и правомочности. При рассмотрении только с позиций распространенности, адресации (характеристика «по происхождению», иногда применяемая для этого случая, не представляется нам точной), возможно деление на *служебные*, относящиеся к интересам и (или) функциям группы субъектов или определенного учреждения, и *личные*, связанные с отдельной личностью и ее отношениями с инстанциями общества.

Технические характеристики документа. Признаки технического характера имеют различную природу и направленность. Кроме классификации по признаку *первичности* — *вторичности* (подлинники, копии, дубликаты, выписки) эффективно рассмотрение с позиций средств фиксации документа и типа носителя информации (письменные документы, фотодокументы; документы на перфорационном носителе, документы на магнитном носителе и пр.). В этой классификации можно отметить некоторую непоследовательность, обусловленную смешением понятий «носитель информации» и «способ представления информации». Высокая динамика развития технических сторон документа предполагает дополнительные исследования в этой области и исключение классифицирующей неоднозначности.

Темпоральные характеристики. Эти характеристики связаны с признаками, соотносящими документ с временными параметрами: во-первых, с временем действия документа, его постоянным, временным или разовым действием; во-вторых, с разделением документов на срочные и несрочные, то есть те,

которые требуют немедленного исполнения или исполняются в неограниченные временными показателями сроки.

Ряд классификаций имеет промежуточный, и внутриязыковой, и внешнеязыковой характер. К таковым можно отнести классификацию по *содержательным особенностям*. С одной стороны, политематизм, то есть связь с несколькими темами, есть отражение внеязыковых обстоятельств, сложной внеязыковой стороны процесса; с другой стороны, политематизм имеет вполне очевидные лингвистические проявления в композиционных характеристиках и в семантической структуре текста. Политематизму противостоит монотематизм — связь документа с одной темой, одним вопросом.

Также к промежуточным относится классификация *по форме документа*, предполагающая разделение документов на *типовые, трафаретные, индивидуальные*, учитывающие степень заданности документа, степень влияния на составителя со стороны традиции, то есть авторитета принятой нормы. Это разделение имеет классифицирующие черты, обусловленные признаками функциональных условий и, одновременно, лингвистические признаки, связанные с мерой типичности—нетипичности лингвистических средств, с уровнем заданности текста и возможностями его видоизменения в процессе работы с ним.

Проблема интралингвистической классификации деловых документов является одной из наиболее актуальных. К настоящему времени более или менее разработаны подходы к классификации лишь некоторых типов документов, причем лингвистическим признаком классификации являются композиционные особенности. Классификация документов на лексико-фразеологическом и морфолого-синтаксическом уровнях должны основываться на довольно детальном анализе количественных и качественных характеристик функционирования единиц этих уровней. Наиболее перспективным нам представляется частотно-распределительный подход (Головин, 1970; Андреев; Пиотровский, Бектаев, Пиотровская), позволяющий установить устойчивые вероятностные характеристики реализации единиц указанных уровней в подстилях и жанрах документов.

Критерии оценки официально-деловых документов имеют разнородный характер и во многом связаны с соответствиями определенным формальным требованиям, со степенью

соответствия типовой экстралингвистической ситуации и с уровнем эффективности в цепочке «документ — действие — следствие».

Рассматривая формальные требования можно говорить о степени жесткости документов, регулирующих форму и содержательные особенности текстов официально-делового стиля. Наиболее жестким, не допускающим обсуждения документом является Государственный стандарт, в частности, для российской организационно-распорядительной документации — ГОСТ 6.38—90. Для документной лингвистики наиболее значимыми положениями ГОСТа является содержание разделов по композиционной организации документа и по формированию требований к текстам документов.

Несколько менее жесткими, документами второго уровня, на основании которых возможна оценка деловых бумаг, являются регламентирующие документы инстанций, относящихся к уровню министерств, ведомств, государственных комитетов. Ими регламентируются различные стороны ведомственных документов (Государственная система...; Единая государственная...; Типовая инструкция...).

Третий уровень документов, определяющих критерии оценки, представлен учебно-инструктивной литературой, во многом опирающейся на положения документов первых двух уровней, а также на практический опыт в составлении и редактировании документов. Количество источников этого уровня довольно велико. Основной принцип — принцип прецедентности и деловой, экономической и юридической целесообразности. Поскольку в подобных источниках помещаются типовые или прецедентные тексты, то методика оценки базируется на сопоставлении текста-образца и практического текста, на выявлении степени и возможности расхождений между ними. Необходимо отметить новый тип нормирующих источников, отражающих социально-политический прогресс общества. Речь идет о регламентирующих документах, принятых местными органами власти. В них регламентируется документационно-архивная деятельность с учетом региональных и исторических особенностей документотворчества (Закон Волгоградской...).

Четвертый уровень оценки документов может производиться на экспертной основе, то есть силами специалистов высо-

кой квалификации. Перед экспертами ставится задача определения соответствия параметров деловых документов их функциональной задаче и формально-содержательным требованиям. В этой оценке не исключается влияние субъективных факторов, поскольку эксперты ориентируются главным образом на собственную практику.

Особое направление оценки документа — определение степени его коммуникативной уместности. Жанровое многообразие документов, с одной стороны, и усиление требований к формальным сторонам документа, с другой стороны, ставят вопрос о критериях соответствия документа определенной бытийной ситуации и уместности вида документа создавшейся ситуации, которую пытаются разрешить с его помощью. Юридически правомочный, определенный в жанровом отношении, соответствующий ситуации и путям ее разрешения грамотный документ — оптимальное условие коммуникативной составляющей любой практической деятельности.

Лингвистическая оценка официально-деловых документов представляет собой непростую задачу. Попытки, предпринятые в этом направлении применительно к научно-техническим текстам (Стилистика научного...), скорее намечают пути к выявлению параметров, по которым можно оценивать тексты, и к определению диапазонов для оценивающих параметров. Для деловых текстов эта задача осложняется недостаточной определенностью структуры самого объекта изучения — типов и разновидностей деловых текстов. Руководствуясь стремлением к унификации параметров оценки, возьмем за основу ряд признаков, поддающихся, по нашему мнению, качественной и количественной интерпретации. Эти параметры также становятся основой комплексной лингвистической характеристики текста и применимы к научным, публицистическим, разговорным и художественным текстам (Кожина, 1998; Кожина, Плюснина; Котюрова; Мучник).

Точность делового текста. При многоаспектности понятия (Котюрова) основа параметра определяется сложной связью единиц различных языковых уровней. Точность понимается как коммуникативное свойство речи, возникающее на основе соответствия смысла речи реалиям действительности, что «проявляется в использовании слов в полном соответствии с

их языковыми значениями» (Головин, 1980, с. 131). Надо отметить роль лексико-фразеологических единиц языка, как в наибольшей мере определяющих степень точности. Для делового документа это качество на лексико-фразеологическом уровне будет обеспечиваться моносемичностью нетерминологической лексики, оптимальным отбором терминологических единиц, степенью унифицированности речевых штампов (клише). Однако точность как оценочная характеристика обеспечивается не только на лексико-фразеологическом уровне. Точность как однозначность синтаксических образований вплоть до сверхфразовых единств имеет большое значение. В этом смысле нам кажется важной разработка проблемы функциональной точности в отношении текстовых фрагментов и служебных реквизитов текста.

Полнота делового текста. Под полнотой понимается наличие всех элементов текста, необходимых для сохранения коммуникативных функций. Неполнота может проявляться, начиная с лексико-фразеологического уровня. В этом случае можно говорить о неполноте номинативной. Коммуникативная неполнота связана с пропуском единиц коммуникативного уровня. Пропуски фрагментов, соответствующих сверхфразовым единствам, ставят под сомнение дееспособность текста вообще.

Логичность делового текста. Композиционные особенности документа, лексический состав, структурно-содержательные особенности сверхфразовых единств являются в большей мере теми составляющими текста, с которыми связано соблюдение или несоблюдение требований логичности делового текста. Различение двух составляющих логичности: логичности в развертывании мысли и логичности сути текста — заставляет по-разному взглянуть на системы лингвистических средств, обеспечивающих обе составляющие логичности. Иногда логичность рассматривается как синоним последовательности. В этом случае композиционные особенности приобретают дополнительную значимость.

Связность делового текста. Развитие Г.Я. Солгаником соображений Н.И. Жинкина о порождении текста на стыке двух предложений (Жинкин, 1982) опирается на анализ взаимосвязей между отдельными предложениями и их объединениями в более крупные текстовые блоки. Следовательно, изучение

связности наиболее продуктивно при обращении к сверхфразовым единствам. Особую значимость здесь приобретают клишированные конструкции, роль которых, в том числе — обеспечение связности. «Исходя из вышесказанного...», «в связи с вышеизложенным...» и другие подобные конструкции, о которых речь пойдет в следующем разделе, приобретают особое качество — качество «организаторов» текста с точки зрения его связности.

Диалогичность делового текста. Проявления диалогичности в особых формах, предполагающих использование специальных элементов адресации в виде самостоятельных реквизитов, апеллятивных местоимений, текстовых фрагментов, побуждающих к встречным коммуникативным актам, использование и других средств заметно отличает деловые тексты от текстов иных стилей, например, научных (Кожина, 1998). Однако большее разнообразие и неоднородность деловых текстов обуславливает большую неоднородность в пропорциях использования диалогических средств. При этом надо отметить, что чрезвычайно широкое понимание диалогичности как категориального явления дается вслед за Э. Бенвенистом, подчеркивавшим, что любая реализация языка уже предполагает диалог, обмен информацией (Бенвенист, с. 27), сводит любой монолог к частному виду диалога. Отсюда встает вопрос не столько о наличии диалогичности, сколько о степени и формах проявления этого качества для различных подстилей и жанров.

Большое количество качественных характеристик текстов в настоящее время как бы опробуются на различном материале. Развитие системы критериев для определения характеристик, привлечение комбинаций количественного и качественного анализа — хорошо понимаемые всеми задачи. Четкое определение указанных качеств, а также таких, как ясность, целостность, компактность, гипотетичность, аргументированность и другие — это лишь часть параметров, для которых необходима разработка современной методической и методологической базы.

ГЛАВА 3.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ СРЕДСТВ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА

3.1. Роль речевых клише (штампов) в подготовке и восприятии делового текста

Хотя термин *клише* вполне адаптирован в современной терминологии практической стилистики, параллельно с ним широко используется термин *речевой штамп*. Содержание каждого из этих, с нашей точки зрения, терминов-синонимов толкуется как «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку» (Лингвистический энциклопедический..., с. 588). Правда, иногда термины «штамп» и «клише» разделяют, полагая, что последний более подходит для обозначения тех средств, которые не имеют экспрессивно-образной нагрузки и более подходят для документов официально-делового стиля (там же, с. 588—589). Думается, что эти термины можно рассматривать как синонимы.

Долгое время исследовательские задачи, связанные с клишированными конструкциями, сводились главным образом к «борьбе» с их использованием. Достаточно показательным в этом отношении мнение Т.Г. Винокура: «...возникновение, типы (штампов. — С.К.), способы борьбы со штампами изучаются стилистикой и культурой речи» (Винокур, с. 589). Критическое отношение к речевым штампам при их использовании в текстах большинства функциональных стилей вполне понятно и закономерно, однако оно неуместно при рассмотрении роли штампов в текстах деловых бумаг.

Использование речевых штампов в деловых документах является одним из проявлений постоянно действующих логико-стилистических правил. «Соблюдение нужной формы для передачи содержания» (Кирсанова, Аксенов, с. 233) в рамках определенного типа документа выражается, в том числе, зак-

реплением речевого оборота, его воспроизводством с одинаковым значением и даже с определенной композиционной закрепленностью. Если для любого документа официально-делового стиля должен выполняться комплекс условий, включая унифицированность формы и лингвистических средств, стремление к однозначности, обеспечивающей информационную точность, и компактность текстового материала, то устойчивость и относительная малочисленность речевых штампов вполне объяснима, поскольку они помогают соблюсти перечисленные условия. Можно сказать, что речевые штампы образуют особый класс устойчивых единиц, которые по ряду параметров близки терминам.

На речевые штампы можно посмотреть и с других позиций. Они формируются постепенно, создавая в конце концов определенный набор, свойственный для определенного функционального стиля. Штампы являются отражением процесса формализации в деловых документах. Развитие и закрепление штампов «создает условия безграничного варьирования словесных структур в живой коммуникации с использованием минимума языковых средств для получения максимума эффекта информации» (Колшанский, с. 76).

М.Н. Кожина полагает, что высокая частота встречаемости «устойчивых оборотов деловой речи» является отражением стандартизованности (Кожина, 1983, с. 181). Думается, что под стандартизованностью здесь понимается устойчивость в воспроизводимости словосочетаний, сохраняющих свои функционально-смысловые качества. Термин «стандартизованность» к настоящему времени более уместно использовать применительно к ситуациям, когда имеет место использование стандарта как нормирующего документа. Тем более что рассмотрение лингвистических объектов через призму реальных стандартов становится все более частым и обоснованным. Это относится прежде всего к терминологии и документоведению (в качестве примеров можно назвать ГОСТ 6.38—90, терминологические стандарты).

Вместе с тем, через Государственный стандарт, регламентирующий систему организационно-распорядительной документации, проводится реальная стандартизация речевых штампов, в частности, регламентация относится не только к устойчивым

единицам в целом, но и к составляющим их компонентам, грамматическим параметрам, к формам лица, числа в сочетаниях типа «просим направить», «министерство не возражает», «комиссия установила» и подобных. С точки зрения элемента, образующего штамп, отмечается довольно большое разнообразие:

- глагольные речевые штампы («ввести в действие», «утвердить положение о», «просим принять участие в» и др.);

- субстантивные речевые штампы («предварительное рассмотрение», «организация мероприятия», «создание необходимых условий» и пр.);

- наречные и союзные речевые штампы («согласно полученному заявлению», «по мере возможности», «в соответствии с требованиями», «несмотря на указанные обстоятельства», «в силу указанных причин» и т. д.).

Толкование таких единиц как моделей (Солганик, с. 195) не совсем удачно, скорее можно говорить о конструкциях с замещающимися завершающими фрагментами и флективной вариативностью.

Соображение о том, что «штамп в деловом документе помогает конкретнее, лаконичнее и общепонятнее выразить мысль» (Практическая стилистика..., с. 26) верно лишь отчасти. Безусловно, конкретность и лаконичность обеспечиваются использованием речевых штампов, но говорить об «общепонятности» для всех вряд ли возможно. Известно, какие затруднения испытывает большая часть населения при составлении деловых бумаг. Определенная условность, формализм служит причиной отторжения клише. Некоторые речевые клише, следующие историческим традициям, представляют собой не только лексико-фразеологические, но и грамматико-композиционные штампы, которые вступают в противоречие с современными грамматико-стилистическими нормами, обладают яркой архаичной окраской. Наиболее показательными в этом отношении являются тексты нотариальной верификации.

Можно говорить о корреляции между композиционными частями документа и типичными речевыми штампами, используемыми в этих частях. Построение модели документа средствами клишированных конструкций может быть интересной учебной и исследовательской задачей. Для ряда научно-технических до-

кументов подобные модели предложены, они могут рассматриваться как учебно-методический материал при составлении, например, отзывов или рефератов (Демидова, с. 57; Культура устной и письменной..., с. 77).

Типологическая устойчивость и регламентированность правовых, экономических и управленческих ситуаций, как и соответствующих им документов, приводят к количественному ограничению речевых клише. Дополнительный ограничительный фактор — консерватизм, малая изменяемость клише с течением времени. Налет архаичности, проявляющийся в различных жанрах в разной степени, воспринимается как стилевая черта, с одной стороны, и как проявление унифицирующих тенденций, с другой стороны.

При всей определенности и узнаваемости речевых клише в деловых документах надо отметить возможности довольно широкой вариативности части компонентов, входящих в единицу. Границы варьирования, правда, существенно ограничены. Если не ориентироваться на сформированные практикой границы варьирования, то штамп может быть разрушен. Соответственно, разрушается и его функциональная ценность, и его стилистическая определенность. Например, при составлении делового письма в его заключительной части придется делать выбор из семантико-стилистической парадигмы вариаций штампа: «В заключение — (необходимо, считаем необходимым, можно, хотелось бы...) — (отметить, заметить, подчеркнуть, сказать...). Набор меняющихся компонентов может быть более или менее широким, но с точки зрения стилистической, функционально-прагматической, он будет конечен.

Состав и взаиморасположение речевых штампов определяют создание *трафаретных форм документов*, о которых говорится ниже. При восприятии документов речевые штампы играют довольно заметную роль. На первый взгляд, их задача ввести следующую порцию информации, оформить ее, придать законченный вид определенному фрагменту документа. Но для опытного специалиста перечень речевых штампов может служить классифицирующей характеристикой: компонентный состав штампов в определенной мере коррелирует с содержательно-функциональными особенностями документа. Поскольку в составе синтаксических единиц речевые штампы имеют тен-

денцию смещаться в начало высказываний, они служат не только синтаксическим оформителем, но и фрагментом, на основании логико-реляционной окраски которого можно прогнозировать содержательную направленность фрагмента, следующего за штампом. Например, препозитивный фрагмент: «В связи с вышеизложенным просим Вас...» с учетом сведений, содержащихся в предыдущем фрагменте текста, позволяет прогнозировать направленность, коммуникативную заданность фрагмента, следующего за штампом.

Структурная и смысловая устойчивость речевых штампов, даже с учетом их вариантности, имеющей, как мы отметили, ограниченный характер, служит одним из факторов, способствующих созданию унифицированных и стандартизированных текстов. Формульный характер речевых клише способствует экономии времени, однородности однотипных документов и упрощает обработку и восприятие документов.

3.2. Проблемы разработки типовых и трафаретных текстов

В современной лингвистической литературе обсуждаются принципы организации текстового материала и связь этих принципов с логической определенностью и прагматической ценностью официально-деловых документов (Пумпянский, с. 11). Эти особенности документов важны, поскольку имеют экономико-правовую составляющую. Устойчивость в реализации этих принципов способствует формированию определенного облика документов, закрепляемого, в конце концов, нормирующими документами. Способы изложения материала опираются уже не только на соображения о коммуникативной целесообразности и традиции, но и на систему формальных требований. В основе формирования этих требований лежат в большей степени содержательные и исторические причины, а в основе реализации — коммуникативные, правовые и даже эстетические факторы. Понятие «красивый документ» включает в себя компонент «в какой мере соответствующий типу, жанру». При максимальной степени реализации формально-логических принципов построения текста жестко оговаривается не только система выбора лексико-грамматических средств, но и параметры

внешнего вида. То есть действует принцип ориентации на некий прототип — типовой текст — образец.

Существует несколько пониманий термина *типовой текст*.

Одно из них связано с так называемой «болванкой» — неким универсальным текстом, минимальные изменения в котором, связанные с частными, конкретными обстоятельствами, дают возможность получить документ, соответствующий по своему внешнему виду, фактическому и языковому составу определенной коммуникативной ситуации. Часто универсальные болванки используются при написании рецензий, отзывов, рекомендаций. Подобное «творчество» вызывает сомнения, но оно отражает определенные подходы к способам составления текстов при желании соблюсти определенные заданные требования.

Второе понимание термина «типовой текст» основано на наличии определенного текста-ориентира, текста-эталона, служащего образцом при составлении документов данного типа. Наиболее четко этот принцип понимания проявился в создании сравнительно большого количества пособий, содержащих тексты-образцы (например, Васильев; Стенюков; Образцы гражданских...). Таким образом, типовой текст — проверенный практикой образец документа. Необходимо только изменить адресные и именные данные, содержание реквизитов, разумеется, в соответствии с конкретными обстоятельствами, по поводу которых составлялся документ. Остальной текст образца воспроизводится практически дословно. Здесь как раз можно отметить различия между использованием текста-болванки и текста-эталона: болванка в большей мере предоставляет информацию, о чем и как надо писать в том или ином композиционном фрагменте документа; эталон предлагает заимствовать весь текст за исключением персонифицирующих данных. В известном смысле, тексты-образцы, в особенности в тех случаях, когда позиции персонифицирующих данных обозначены пробелами с подстрочными «подсказками», могут быть отнесены к *трафаретным текстам*. Ориентация на текст-образец является реализацией принципов унификации; следование единому образцу, сложившемуся в результате практики, соответствие коммуникативным, административным, экономико-правовым нормам лежат в основе применения образца. Полагаем, что толко-

вание унификации как просто приведения к единообразию (Словарь русского языка, т. 4, с. 498) является слишком широким и несколько неопределенным.

Однородность коммуникативных ситуаций влечет за собой однородность требований к содержанию и, следовательно, к языковому материалу документов. Изучение их в экстралингвистическом аспекте (прежде всего — экономико-правовом и социально-политическом) налагает дополнительные ограничения на степень текстового варьирования. Здесь реализуется еще один более общий и универсальный принцип, заключающийся в том, что упорядочение системы (текста под влиянием образца) снимает неопределенность, которая негативно сказывается на принятии решений на основе документов. Этот принцип является одним из краеугольных камней, лежащих в основании науки, изучающей взаимосвязь между информацией, управлением и моделированием процессов — кибернетики (Винер; Бриллюэн).

Еще одно толкование термина «типовой текст» связано с уникальным лингвистическим явлением, проявляющимся лишь в официально-деловом и, в некоторой степени, научно-техническом стилях. Речь идет о регламентации всех параметров документов с помощью стандарта. Для организационно-распорядительной документации русского языка разработан и принят Государственный стандарт, распространяющийся на документацию, используемую в системе государственных органов (ГОСТ 6.38—90). В соответствии со стандартом для каждого документа определяются как используемые языковые средства, так и их позиции на бланках документов. В разделе 3 стандарта приводятся требования к элементам текста как на уровне лексико-фразеологических единиц, так и на уровне клишированных фраз (см. предыдущий раздел). Действия стандарта являются наиболее жесткой регламентацией в составлении документов, нарушение предписанных им требований может повлечь юридические последствия.

Возвращаясь к понятию *трафаретного текста*, необходимо определить его содержание. Под трафаретностью текста будем понимать такую форму документа, которая закрепляет сочетания устойчивых речевых отрезков, без которых документу невозможно обойтись, с определенными позициями. В образу-

ющиеся пустоты заносятся те речевые фрагменты, которые имеют индивидуальный характер. Относительные положения клишированных речевых отрезков и первоначально незаполненных участков документа являются взаимнофиксированными для каждого вида документа. Степень трафаретизации текста может иметь различный уровень, она определяется соотношением между долями предварительно внесенных фрагментов и заполняемых по ходу составления индивидуального документа. Обращает на себя внимание распространенность трафаретных документов, используемых в США. Здесь можно отметить как большое количество различных документов-трафаретов, так и максимальную степень трафаретизации различных документов. Формализация документа, обеспечиваемая его построением по типу трафарета, решает различные вопросы, относящиеся к разным аспектам. Во-первых, трафаретный принцип построения конкретизирует композиционно-смысловую структуру документа. Во-вторых, трафарет существенно упрощает работу с документом, в особенности для людей, которые недостаточно искушены в документоведческих нюансах. В-третьих, чем выше степень формализации, тем выше приспособленность к алгоритмической обработке документов вплоть до автоматизации этого процесса. В-четвертых, по свидетельству В.П. Веселова, тексты, построенные на базе трафаретизации, более эффективны с экономической точки зрения (Веселов, 1982; 1993). В-пятых, формализация не только всего документа, но и отдельных его составляющих, что выполняется автоматически при трафаретизации, обеспечивает возможность выборочной обработки фрагментов документа; это бывает необходимо при сопоставительном изучении выборочных данных, зафиксированных в трафаретных документах.

Справедливо указывается на связь между унификацией документов и их трафаретизацией (Рахманин, с. 7—8). Трафаретизация как бы автоматически обеспечивает унификацию документов, повышает их правовой статус, обеспечивает более надежный и экономически выгодный коммуникативный процесс.

С точки зрения формализации представления данных ближайшими к трафаретным являются табличные и анкетные документы. Не останавливаясь на собственно документоведчес-

ких основаниях их противопоставления, рассмотрим лингвистические различия.

Если трафаретные документы строятся на принципе безальтернативного завершения фразы, приобретающей персонафицированную окраску, то анкетные документы строятся по принципу диалога, а сам диалог имеет формат «вопрос—ответ». При этом вопрос не всегда может быть построен как традиционное вопросительное предложение, а ответ может быть предложен в списке возможных с точки зрения составителя анкеты вариантов ответов.

Табличная форма документа есть не что иное, как понятная матрица, устанавливающая смысловые отношения между двумя или более системами данных. Очень часто таблицы отражают количественно-качественную информацию и устанавливают отношения между количественными и качественными системами данных. В связи с организацией таблиц и способами размещения в них материала вводятся понятия *столбцы* и *строки*. Столбцы (иногда их же называют колонками) — элементы таблицы, ограничиваемые вертикальными линиями или создаваемые вертикально расположенными фрагментами материала документа; строки — элементы таблицы, образуемые горизонтальными линиями или горизонтально расположенным материалом документа. В таблицах отсутствует повтор материала, элементы текста в них имеют назывной характер, рубрикация в виде подзаголовков вынесена в *боковик* (левая часть таблицы) и *головку* (верхняя часть таблицы). Для таблицы большое значение имеет логика подчинительных отношений (родовидовых, часть—целое), эта логика отражается в соподчиненности заглавия, подзаголовков и содержания головки и боковика.

Независимо от степени формализации тех или иных видов документов, необходимо отметить все большую степень влияния формализующих факторов на коммуникативную структуру деловых документов, ведь именно на уровне официально-делового стиля процессы формализации проявляются в наибольшей степени: документы на естественном языке начинают преобразовываться в соответствии с правилами, действующими в искусственных знаковых системах. В документ включаются искусственные коды, формальные элементы организации текста. При формализации документов не только создаются усло-

вия работы с ними в машинно-ручном режиме, но и обеспечивается заметно более низкая избыточность, при этом реализуется принцип экономии средств языка.

Типизация и трафаретность текстов отражаются в создании *системы унифицированной документации (СУД)*, ориентированной и на ручную, и на машинную обработку текстов. В этой связи будет справедливо еще раз вернуться к разделению документов на два типа: документы с жесткой структурой, то есть с типизированным языковым оформлением и ограниченной вариативностью состава; и документы с мягкой структурой, имеющие относительно широкие пределы изменяемости. Это разнообразие находится в сложной корреляционной связи с наборами определенных типовых ситуаций, типизированность которых проявляется в трафаретных формах документов.

В целом типизация и трафаретизация документов официально-делового стиля является реализацией регламентирующих правил. Функционально-прагматические обстоятельства регулируют степень регламентации: от максимальной в машинных текстах до минимальной в устных формах общения, относящихся к разговорному стилю. Регламентация сказывается не только в заданности вида делового текста и его трафаретной формы, но и в работе с подбором составляющих текста для различных языковых уровней. Одним из видов деятельности, реализующим принципы регламентированности, является редактирование, некоторые аспекты которого мы рассмотрим в следующем разделе.

3.3. Редактирование текстов официально-делового стиля

В последние 10—15 лет значительно изменилось содержание термина «редактирование». Это понятие включает и изменение содержательных параметров текста в целях повышения уровня его коммуникативной эффективности, и комплекс аналитико-синтетических операций, изменяющих объем и аспектность текста, и процессы технической обработки документа при его подготовке к опубликованию, что входит в так называемый редакционно-издательский процесс, и другие изменения в форме и содержании исходного текстового материала.

В научной и официально-деловой сферах далеко не всегда совпадают понятия «образованный человек», «талантливый ученый», «хороший специалист» и «грамотный автор». Хорошо думать (торговать, судить, учить, исследовать и многое-многое другое) и хорошо писать — не одно и то же. И в этой ситуации на первый план выходит редактор, обязанности которого могут простираются достаточно широко. В значительной мере они будут зависеть от тех типов документов, которые подлежат редактированию. В самом общем виде, независимо от типа текстов, которые приходится редактировать, неизменно актуальными остаются задачи повышения информационной емкости документа, соответствия устоявшимся или предписанным нормам, задачи исключения речевых и грамматических погрешностей, придание тексту жанровой определенности с позиций лексико-грамматических, композиционных и технических параметров.

Для документов официально-делового стиля комплекс мер, связанных с редактированием, имеет специфику, которая определяется рядом факторов.

Первым из них является чрезвычайная многожанровость функционального стиля, связанная с функциональной дифференциацией документов. Это, безусловно, сказывается на вариативности лингвистических средств, которые в них используются. Словом, редактирование юридических, например, документов может включать оценки и действия несколько отличные от решений и действий, имеющих место при редактировании деловых писем: перераспределяется частотность различных типов аспектов, параметров и ошибок, подлежащих корректировке в процессе редактирования. Опытные редакторы знают, какие ошибки и недостатки встречаются чаще в тех или иных видах документов.

Перенесение принципов и методов редактирования, используемых в журналистике и редакционно-издательском деле, связанном с выпуском художественной литературы, на тексты официально-деловых документов не решает всех проблем. Кроме неких общих процедур имеются такие аспекты редакторской деятельности, которые применимы только при подготовке документов официально-делового стиля.

Так, если к общестилевым редакторским процедурам можно отнести контроль за пунктуационно-орфографическим режимом (хотя это основная задача корректора), то в деловых текстах основной акцент смещается на содержательное редактирование и установление соответствия между содержательно-функциональными сторонами документа и его формой.

Кроме того, процессы редактирования художественных или публицистических текстов, с одной стороны, и официально-деловых, с другой, имеют различия в технологии: для текстов — представителей первых двух стилей, исходный вид рукописи не имеет значения (лишь бы она была вообще читаема). Прохождение такой рукописи через «строй» редакторов: издательского, младшего, технического, художественного, а также корректора — обеспечивает должный редакторский контроль. По самим условиям создания и функционирования большей части деловых документов подобная цепь процедур не всегда возможна и необходима. Часто функции редактора выполняет не лицо в этой должности, а ответственный работник той функциональной сферы, в которой происходит коммуникация. Для документов с высокой степенью значимости (прежде всего, в социально-политической и правовой сферах) многоуровневое редактирование является совершенно необходимым и понятным, чаще документы проходят один уровень редактирования, совмещаемый с обсуждением.

Редактирование текстов официально-делового стиля является сложной документационно-технологической процедурой, включающей четкую последовательность операций. Необходимо заметить, что в большинстве случаев процессы составления и редактирования являются одновременными и неразрывными.

Одним из этапов редактирования является работа с подбором и оценкой фактических данных, используемых в документе или являющихся основой, на которой составляется документ. Эти данные могут представлять собой системы цифровых, вербальных, табличных или иных данных, подлежащих оценке на предмет целесообразности их включения в документ, степени и формы представления.

Еще один этап редакционно-издательской работы — типологизация документа, то есть соотнесение содержательных,

формальных и статусных характеристик. В ряде случаев это является непростой задачей, определяющей прохождение документа и последствия его функционирования в профессиональной коммуникативной среде. Скажем, определенная ситуация может породить два документа с очень близким содержанием основной части: документ, именуемый «служебной запиской», и документ с названием «объяснительная записка». Очевидно, различия между документами объясняются различным видением ситуации, различны и процессуальные стороны рассмотрения документов и реакции на них.

Очередной этап — формирование текста документа с использованием параллельных, альтернативных конструкций и композиционно-реквизитного членения текста. В результате может получиться два и более варианта документа на отдельных носителях соответствующих формальным и коммуникативным условиям функционирования.

Еще один этап — нахождение окончательных речевых решений, здесь уточняются лексико-фразеологические единицы терминологического и нетерминологического характера, корректируются предложения с точки зрения их грамматической правильности, однозначности и логической определенности.

Следующий этап включает пунктуационно-орфографический контроль. Поскольку в результате предыдущего этапа высказывания приобрели законченный вид, необходимо обратить внимание на расстановку знаков препинания и орфографическое оформление текста.

Заключительный этап — композиционно-реквизитный контроль, при котором уточняется позиция каждого элемента текста на стандартном носителе, уточняется оформление документа с точки зрения вспомогательно-декоративных элементов. Этот этап включает печать документа, его вычитку и оформление подписей.

Существует специальная система корректурных знаков, используемых при правке текста (ГОСТ 16.347—76. Знаки корректурные). Эти знаки имеют устойчивую стандартизированную форму, при правке текста они размещаются обычно на правом рабочем поле документа.

Рассмотрим лингвистические составляющие каждого этапа в редактировании деловых документов.

Этап подбора и оценки фактических данных. На лингвистическом уровне этот этап сопряжен с выбором языковой формы представления фактического материала. Здесь могут возникнуть проблемы при использовании топонимических и ономастических данных (топонимика — раздел лингвистической науки о географических наименованиях; ономастика — область языкознания, занимающаяся именами собственными); при цитировании фрагментов, включаемых в текст документа; при определении достаточности, доказательности и логичности контекста; при определении объема справочно-библиографических данных; при анализе полноты текста с точки зрения тех фактических данных, которые делают документ эффективным в конкретных коммуникативных обстоятельствах.

Этап типологизации документа. Этот этап связан с определением характера заголовочного реквизита документа. Проблема заключается в том, что многообразие и изменяемость документов не всегда дают возможность сразу определить необходимый тип, по различным оценкам количество только управленческих документов составляет более полусотни (Культура устной..., с. 105). В этой ситуации необходимо выбрать тот тип, который в наибольшей мере соответствует ситуации, уровню и порядку рассмотрения ее, предполагаемым действиям, как реакции на документ. Все это определяет и заголовочную часть, и тональность документа, а отсюда выбор обращений, глагольных форм, степень категоричности в ее лингвистическом выражении. Очевидна зависимость композиции от типа документа. Все эти довольно тонкие и лингвистически сложные нюансы должны быть учтены профессиональным редактором-составителем деловых документов.

Этап выбора оптимальных средств документа. Для этого этапа основная лингвистическая работа заключается в рассмотрении всех возможных способов формулирования фрагментов документа. При этом вариантность формулировок не должна входить в противоречие с нормирующими требованиями и стилистическими критериями. Проблема внутрителивой и даже внутржанровой вариантности языковых средств является одной из наиболее актуальных проблем стилистики и документоведения. При высокой степени стандартизации ряда лингвистических объектов возможности внутренних языковых вариаций

ций способствуют индивидуализации документов на лингвистическом уровне, позволяют говорить о проявлениях языкового вкуса, меры, мастерства, даже в рамках стиля, жестко регулируемого стандартом и унифицирующими ограничениями.

Этап окончательных речевых решений. В наибольшей степени лингвистическая сторона этого этапа проявляется в процессе терминологического редактирования, выбора форм обращений, форм завершения документа. Терминологическое редактирование предполагает определение предпочтительных речевых форм терминов, предлагаемых терминологическими стандартами предметных областей (Прохоров и др.). Кроме сказанного, на этом этапе законченный вид приобретают предложения, их компоненты. Это относится как к организации структуры с позиций типологии предложений, так и порядка элементов предложения. Известно, что использование таких синтаксических приемов, как инвертирование конструкций, построение протяженных сочинительных образований, рубрикация в сложном предложении и ряд других приемов синтаксического уровня создают дополнительный фон воздействия, способствующий большей эффективности коммуникации.

Этап пунктуационно-орфографического контроля. Сложность лингвистических параметров деловых документов проявляется в повышенной вероятности допуска пунктуационных и орфографических ошибок. Увеличение числа орфографических ошибок связано с использованием в текстах официально-делового стиля большого количества редко используемых терминологических единиц, заимствованной лексики, других элементов лексико-фразеологического уровня с ограниченной сферой употребления, а следовательно — со слабо закрепленной в сознании носителей языка орфографической структурой. К орфографическим ошибкам необходимо отнести неоправданную и произвольную аббревиацию. Последняя не только затрудняет понимание текста, но и снижает его стилистический статус, создает коммуникативную неопределенность. В русском языке существует нормируемость сокращений, отступления от допустимых норм аббревиации рассматриваются как заметный недостаток, требующий редакторского вмешательства.

Уже упоминавшееся усложнение синтаксической структуры деловых документов влечет за собой увеличение количе-

ства пунктуационных ошибок. Сложная логика предложений, рубрикация бессоюзных предложений, соподчинение и сложные сочинения осложняют пунктуационный фон, увеличивают число относительно редко используемых в иных формах речи знаков препинания, например, таких, как тире, двоеточие, точка с запятой. Актуальной задачей исследования стиля становится выяснение частотности знаков препинания в различных текстах в их сопоставлении с аналогичными данными для других стилей.

Этап композиционно-реquisитного контроля. Этот этап охватывает большой комплекс лингвистических параметров документа.

1) Если взаиморасположение и взаимосвязь частей документа рассматривать как композиционную лингвистическую характеристику, то внимание редактора должно привлекать распределение описательной, повествовательной частей и части, содержащей выводы и рассуждения.

2) Редакторского внимания требует определение соразмерности частей документа и общий размер текста. Здесь основной принцип — необходимая достаточность и ни одного лишнего слова. Краткость и одноаспектность документа делают его быстрочитаемым, запоминающимся и не утомляющим словесным балластом.

3) Рубрикация в документах может иметь различный характер. Контроль за разумно необходимой, не чрезмерной рубрикой (ее обилие ложно принимается за отражение логичности документа) исключает трудности при восприятии дробного текста. Наиболее частый способ рубрикации — построение сверхфразовых единств и выделение их с помощью *абзацев*. Более сложной и требующей серьезной проработки является рубрикация с помощью нумерации, сложной нумерации, введения подзаголовков, разбиения на отдельные параграфы и главы, разнесение на различные носители (листы бумаги, разные папки, различные тома, например). Для этих действий уже сложились определенные правила. Кроме того, используются такие приемы, как особая пунктуация, имеющая скорее логический, чем грамматический характер; иерархия и неоднородность средств рубрикации; использование вспомогательных средств рубрикации. Правда, для рубрикации количество одно-

родных фрагментов, подлежащих рубрикации, должно быть два и более.

Очень важным и эффективным инструментом редактирования является словарь. Различные словари, содержащие энциклопедические и лингвистические данные, являются постоянными помощниками редактора с любым стажем и опытом работы.

Синхронность процессов создания и редактирования делового документа предъявляют высокие требования к документоведу. Мастерство и ответственность автора деловой бумаги формируются знаниями и постепенно приобретаемым практическим опытом. И только труд, основанный на знании, способен дать обществу Мастера-документоведа, исследователя того функционального стиля, который станет одним из важнейших объектов лингвистического изучения в XXI веке.

Как видно из содержания всех разделов нашего пособия, нерешенных вопросов в области исследования языка деловых документов значительно больше, чем решенных. Это обстоятельство не должно пугать, оно должно стимулировать молодых исследователей к экспериментам и поискам. Даже в рамках курсовых и дипломных работ возможны исследования, раскрывающие тайны официально-делового стиля.

ЛИТЕРАТУРА

Алешина И.В. Паблик Рилейшинз для менеджеров и маркетеров. М., 1997.

Андреев Н.Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языкознании. Л., 1967.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.

Бриллюен Л. Научная неопределенность и информация. М., 1966.

Ванников Ю.В. Типы научных и технических текстов и их лингвистические особенности. М., 1984.

Васильев Д.В. Делопроизводство на компьютере. Практические рекомендации. М., 1996.

Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики, разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976.

Веселов П.В. Как составить служебный документ. М., 1982.

Веселов П.В. Аксиомы делового письма. М., 1993.

Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине. М., 1968.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Винокур Т.Г. Штампы // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 588—589.

Воробьев Г.Г. Документ: информационный анализ. М., 1973.

Герд А.С. Лингвистическая теория и реализация прикладных задач // Теория и практика научно-технической лексикографии и перевода. Горький, 1990. С. 4—9.

Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1970.

Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1977.

Головин Б.Н. Основы культуры речи. М., 1980.

ГОСТ 6.38—90. Система организационно-распорядительной документации: Требования к оформлению документов / Государственный комитет СССР по управлению качеством продукции и стандартам. М., 1990.

Государственная система документационного обеспечения управления: Основные положения: Общие требования к документам и службам документационного обеспечения. М., 1991.

Демидова А.К. *Пособие по русскому языку. Научный стиль. Оформление научной работы.* М., 1991.

Демидова Н.Ф. *Приказы // Советская историческая энциклопедия.* Т. 11. М., 1968. С. 559—566.

Демьянков В.З. *Интерпретация текста и стратегемы поведения // Семантика языковых единиц и текста.* М., 1989. С. 111—116.

Единая государственная система делопроизводства: Основные положения. М., 1975.

Еришов А.П. *К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы // Вопросы кибернетики: Общение с ЭВМ на естественном языке.* М., 1982.

Еришов А.П. *Человек и машина // Новое в жизни, науке, технике. Сер. математика, кибернетика.* М., 1985. № 4. С. 4—9.

Жинкин Н.И. *Развитие письменной речи учащихся // Известия Академии пед. наук РСФСР.* Вып. 78. М., 1956. С. 215—223.

Жинкин Н.И. *Речь как проводник информации.* М., 1982.

Закон Волгоградской области «Об архивном фонде Волгоградской области и архивах», 22.04.96 г. № 59-ОД. Волгоград, 1996.

Кирсанова М.В., Аксенов Ю.М. *Курс делопроизводства. Документационное обеспечение управления: Учебное пособие.* М.; Новосибирск, 1998.

Ковшикова Е.В. *Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук.* Волгоград, 1997.

Кожина М.Н. *Стилистика русского языка.* М., 1983.

Кожина М.Н. *Диалогичность как категориальный признак письменного научного текста // Стилистика научного текста. Общие параметры.* Ч. 2. Пермь, 1998. С. 124—186.

Кожина М.Н., Плюснина Т.Н. *Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах // Стилистика научного текста. Общие параметры.* Ч. 2. Пермь, 1998. С. 187—230.

Костомаров В.Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа.* М., 1994.

Котов Р.Г., Никитина С.Е., Васильева Н.В. и др. *Естественный язык, искусственные языки и информационные процессы в современном обществе.* М., 1988.

Котюрова М.П. Связность научного текста. Логичность научной речи. Точность научной речи как выражение определенности/неопределенности знания // *Стилистика научного текста. Общие параметры*. Ч. 2. Пермь, 1998. С. 50—123.

Кубрякова Е.С. Синтагматика // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 447—448.

Кузнецов П.С. О языке и речи // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. VII. 1961. № 4.

Культура устной и письменной речи делового человека: Практикум / Н.С. Водина и др. М., 1997.

Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник / Н.С. Водина и др. М., 1997.

Кушнерук С.П. К вопросу о типологических характеристиках деловой корреспонденции // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2. Филология. Вып. 1. Волгоград, 1996. С. 31—34.

Кушнерук С.П. Полевой словарь как стратифицирующая основа стилистически однородных текстов (русский язык; официально-деловой стиль) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 2. Филология. Вып. 2. Волгоград, 1997. С. 55—59.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.

Ломтев Т.П. Язык и речь // *Вестник Московского государственного университета*. Сер. VII. № 4.

Милованова М.В. Научная и деловая речь: Методическое пособие по стилистике. Волгоград, 1997.

Мучник Б.С. Культура письменной речи. Формирование стилистического мышления. М., 1996.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка / Отв. ред. Б.А. Серебрянников. М., 1972.

Основные гражданско-правовые документы: Образцы / Сост. и авт. комментариев Э.М. Мурадян. М., 1997.

Павленко Ф.С. *Энциклопедический словарь*. СПб., 1913.

Пиотровский Р.Г. *Информационные измерения языка*. Л., 1968.

Пиотровский Р.Г. *Инженерная лингвистика и теория языка*. Л., 1989.

Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. *Математическая лингвистика*. М., 1977.

Плэтт В. Информационная работа стратегической разведки. М., 1958.

Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили / Под ред. В.А. Алексеева и К.А. Роговой. М., 1982.

Прохоров В.Н., Савилов Е.С., Корчемкина А.С., Игнатова А.В. Основные направления работ по стандартизации научно-технической терминологии в новых условиях хозяйствования / Научно-техническая терминология. Научно-технический реферативный сборник. М., 1989. № 9. С. 2—10.

Пумпянский А.А. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974.

Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997.

Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 1995.

Сиротинина О.Б. Функционально-стилевая дифференциация литературных языков / Русский язык и культура общения для нефилологов: Учебное пособие. Саратов, 1998. С. 37—43.

Сиротинина О.Б., Гольдин В.Е., Куликова Г.С., Ягубова М.А. Русский язык и культура общения для нефилологов: Учебное пособие. Саратов, 1998.

Словарь русского языка в четырех томах / Под ред. А.П. Евгеньева. М., 1983.

Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учебное пособие. М., 1997.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Труды по языкознанию. М., 1974.

Стенюков М.В. Образцы документов по делопроизводству: Руководство к составлению. М., 1996.

Стилистика научного текста. Общие параметры. Ч. 2. Т. II / Под ред. М.Н. Кожинной. Пермь, 1998.

Типовая инструкция по делопроизводству в министерствах и ведомствах Российской Федерации. М., 1992.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М., 1977.

Чешко Л.А. Русский язык. М., 1981.

Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: В 3-х частях. Ч. 1. М., 1987.

Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.

Шиленко А.Ю., Колесник С.В. Функциональные стили русского языка. Стилистика делового общения: Методическое пособие. Волгоград, 1992.

Шмелев Д.Н. Значение слова / Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Яглом А.М., Яглом И.М. Вероятность и информация. М., 1983.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Учебное издание

Кушнерук Сергей Петрович

ДОКУМЕНТНАЯ ЛИНГВИСТИКА
(русский деловой текст)

Учебное пособие

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редактор *С.А. Астахова*
Технический редактор *Н.Г. Романова*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать....Формат 60x84/16
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л.5,6.
Уч.-изд. л.6,0. Тираж 100 экз. Заказ .«С» 67.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.